

Ферри Пратчетт

ПАСТУШЬЯ КОРОНА

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Плоский мир

Терри Пратчетт
Пастушья корона

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Пратчетт Т.

Пастушья корона / Т. Пратчетт — «Эксмо», 2015 — (Плоский мир)

ISBN 978-5-699-89716-2

Вы держите в руках последний роман великого Терри Пратчетта, завершающий цикл «Плоский мир». Это история о юной ведьме Тиффани Болен, внезапно оказавшейся той, кто должен беречь границы своего мира от коварных и злобных гостей извне. И это притом, что обычных ведьмовских обязанностей и забот у нее хоть отбавляй... История о том, что любой человек может сам определить свою судьбу, и о том, что сохраняет ценность во все времена, позволяя людям оставаться людьми.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-89716-2

© Пратчетт Т., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Перевод некоторых слов и выражений Нак-мак-Фиглей с поправкой на требования приличий (из неоконченной на сегодняшний день книги «Волшебные создания и как избежать встречи с ними» г-жи Константанции Тик)	7
Пролог. Корона холмов	10
Глава 1. Там, где ветер	12
Глава 2. Голос в темноте	26
Глава 3. Мир вверх тормашками	33
Глава 4. В добрый путь – и добро пожаловать	44
Глава 5. Новые времена	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Терри Пратчетт

Пастушья корона

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 2015 First published as The Shepherd's Crown by Random House Children's Publishers, UK The Author has asserted his right to be identified as the author of the Work

Inside artwork © Paul Kidby, 2015 – www.paulkidby.net

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Посвящается Эсмеральде Ветровоск: лёгкой дороги!

Перевод некоторых слов и выражений Нак-мак-Фиглей с поправкой на требования приличий (из неоконченной на сегодняшний день книги «Волшебные создания и как избежать встречи с ними» г-жи Константанции Тик)

Большой Человек – предводитель клана (как правило, муж кельды).

Брос – овсянка с добавлением капельки какого-либо крепкого напитка. Или не капельки. Употреблять с осторожностью: вызывает рост волос на груди.

Бураны – покрытые густой шерстью создания, которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.

Верзуны – люди.

Всекарга – очень важная ведьма.

Глазья – глаза.

Гоннагл – бард клана, искусный музыкант, поэт и рассказчик.

Гуйс – очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.

Догробный мир – понятие, связанное с верой Фиглей в то, что они мертвы. Наш мир так прекрасен, утверждают они, что наверняка сюда после смерти попадают те, кто хорошо вёл себя при жизни. Поэтому когда кто-то из Фиглей умирает здесь, он просто возвращается к жизни в Догробном мире, который, в их представлении, является довольно скучным местом.

Заморочный – жуткий, странный, иногда – почему-то – продолговатый.

Изводиться – волноваться, переживать.

Карга – ведьма, независимо от возраста.

Карговство – всё, что делает ведьма.

Карс – большая чёрная птица, известная также как ворон.

Кельда – матриарх клана, а в преклонном возрасте – мать большинства его членов. Фигли рождаются очень маленькими, а растут быстро; в течение жизни кельда становится матерью сотен сыновей.

Нахрюкаться – меня заверили, что это означает переутомиться.

Невтерп – невтерпёж, страстное желание чего-либо: «Чаю охота, аж невтерп».

Ой-ёи-ёи – традиционное причитание.

Особая овечья притирка – прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но, говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля – в любое время года. Не пытайтесь изготовить её самостоятельно.

Пискля – слабак.

Разбредовина – чепуха, глупость.

Раскудрить! – восклицание, которое может означать всё что угодно, от «надо же!» до «моё терпение лопнуло – спасайся кто может!».

Расхилай – см. угрязок.

Спог – кожаный мешочек, носится на поясе спереди и прикрывает то, что, по мнению его хозяина, всё-таки должно быть прикрыто. Внутри хранится всякая всячина: то, что Фигль ел, но не доел; то, что он нашёл и теперь принадлежит ему; то, что он использует в качестве носового платка (возможно, ещё живое).

Старукса – женщина преклонного возраста.

Судьбонос – важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.

Таинствия – секреты, тайны.

Тубзя – туалет.

Угрязок – бесполезный член общества.

Упаривка – нечто вроде сауны. Встречается только в больших курганах горных кланов, где есть источники воды в достаточном для регулярных водных процедур количестве. Фигли Меловых холмов считают, что когда грязи на теле скапливается достаточно, она отваливается сама.

Ушкан – маленький пушистый зверёк с длинными ушами и круглым хвостом. Также известен как кролик. Мясо ушканов очень вкусное, особенно под улиточным соусом.

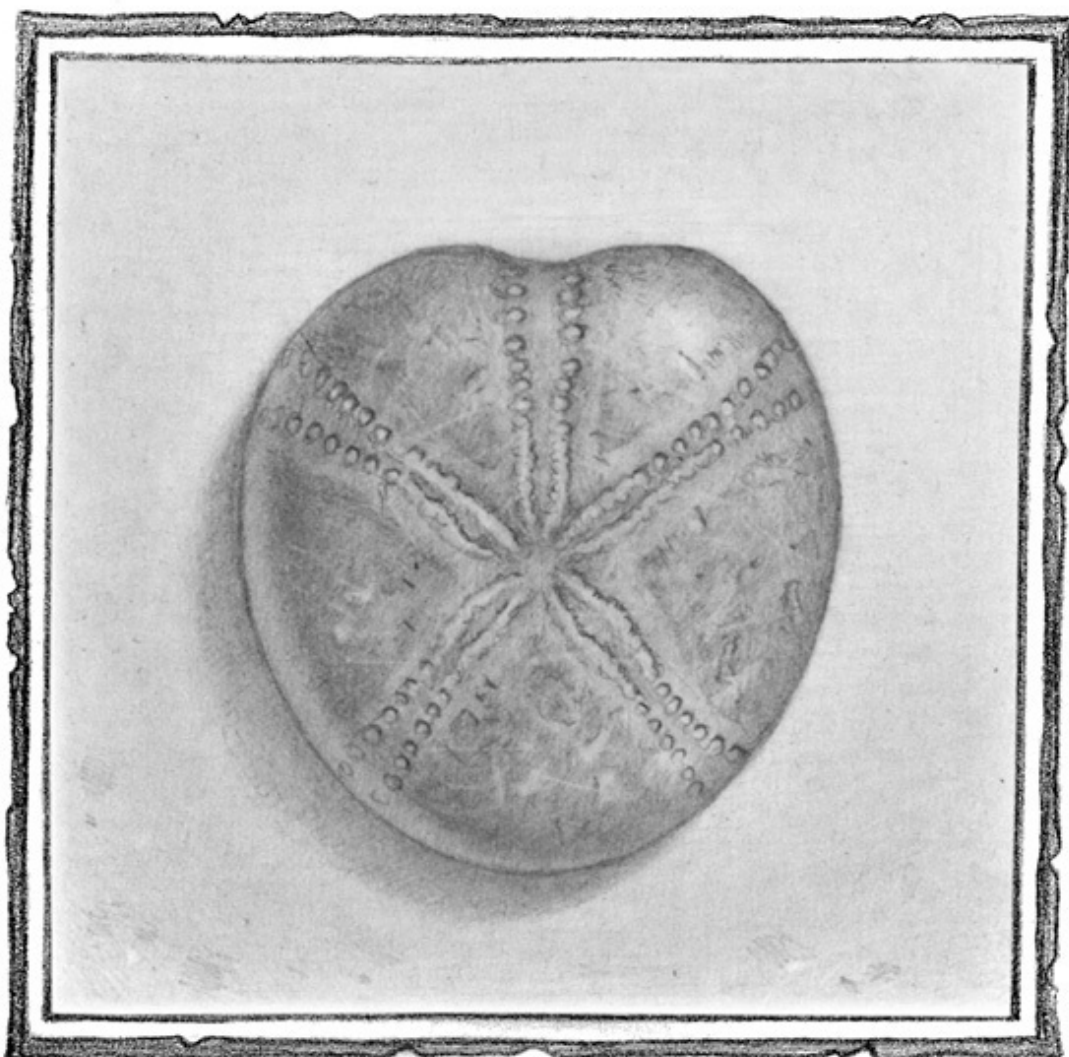
Чувырла – очень нехороший человек/зверь/другое.

Чудила – редкостно нехороший человек/зверь/другое.

Чучундра – нехороший человек/зверь/другое.

Пролог. Корона холмов

Оно родилось во тьме Круглого моря. Сначала оно было мягкое и плавало на поверхности по воле волн. Оно нарастило себе раковину, но в непрестанно перекачивающемся, колеблющемся мире вокруг обитали огромные создания, способные с лёгкостью раскусить эту хрупкую скорлупу. Тем не менее оно выжило. Так бы и продолжалась его маленькая жизнь до тех пор, пока море или другие его обитатели не положили бы ей конец, – если бы однажды оно не очутилось в луже.

Лужа была большая, высоко на песчаном берегу. Время от времени со стороны Пупа приходили бури и пополняли её свежей водой. Оно обитало там, питаясь теми, кто был даже мельче его, и росло – росло и росло, пока не стало королём. Оно выросло бы ещё больше, но одним жарким летом солнце выпарило лужу досуха.

И маленькое создание умерло, однако панцирь его остался, и в панцире таилось зерно чего-то твёрдого и острого. Новый шторм забросил раковину на прибрежные скалы, где она и осталась лежать, перекачиваясь туда-сюда вместе с мелкими камешками и прочими обломками, принесёнными бурей.

Шли века. Море уходило всё дальше и наконец высохло и отступило совсем, а покрытая шипами раковина давно мёртвого существа скрылась под напластованиями раковин других существ, таких же маленьких и мёртвых. Там она и лежала, выращивая внутри себя острую

сердцевину, пока однажды её не нашёл пастух, который пас своих овец на склонах Меловых холмов, выросших на этом месте.

Заметив в земле нечто странное, пастух подобрал находку и принялся вертеть в руках, рассматривая с разных сторон. Удивительная штука, неказистая и в то же время изящная, подержать приятно. Слишком правильной формы для куска кремня, но внутри скрывается кремень. Поверхность серая, будто каменная, а из-под неё нет-нет да и блеснёт золото. Пять шипастых гребней на равном расстоянии, почти как полосы, тянутся от плоского основания к верхушке. Пастух уже видел такие штуки, но эта отличалась от них – она чуть ли не сама ему в руку прыгнула.

Он поворачивал находку так и эдак... Казалось, она хочет что-то ему сказать. Чепуха это всё, конечно, подумал он, да и пива давно пора выпить... Но странная вещица запала ему в душу. Пастух обругал себя за глупость, однако находку не выбросил, а взял показать друзьям в пивной.

– Гляньте-ка, – сказал он. – На корону смахивает.

И конечно, кто-то засмеялся и сказал:

– Корону? А на что тебе корона? Ты ведь никакой не король, Дэниел Болен!

Но пастух принёс находку домой и положил на полку в кухне. Он держал на этой полке разные вещицы, которые ему нравились.

Там она и лежала, пока не стёрлась из памяти людей и из истории.

Но Болены помнили про неё всегда и передавали из поколения в поколение.

Глава 1. Там, где ветер

Это был один из тех дней, которые хочется сохранить на память. Тиффани Болен стояла высоко на склоне холма над Родной фермой, и ей казалось, будто отсюда виден весь мир, до самого края. Воздух был холоден и прозрачен, как хрусталь, и резкий ветер кружил осенние листья возле ясеней, сбрасывавших старую листву, чтобы подготовиться к новой весне.

Тиффани всегда было интересно, отчего в этом месте растут деревья. Её бабушка, которую все звали матушка Болен, рассказывала, что в стародавние времена тут проходила дорога, а внизу были болота. Потому-то, говорила бабушка, люди тогда и устраивали себе жилища высоко на холмах, подальше от болот и от скотокрадов.

Возможно, эти древние люди увидели поставленные в круг огромные камни и решили поселиться рядом, потому что возле камней им было спокойнее. А может быть, они сами и поставили эти камни. Никто не знал, откуда камни взялись. И хотя все говорили, что это глупости, люди чувствовали – лучше лишний раз к каменным кругам не ходить. Просто на всякий случай. В конце концов, даже если в круге и скрывается какая-нибудь древняя тайна или сокровища, что с того толку пастуху? И пусть многие камни обрушились, кто знает – может, тот, кто под ними похоронен, не хочет, чтобы его выкапывали? Если человек мёртвый, это ещё не значит, что он не может крепко рассердиться.

Но Тиффани однажды прошла между этих камней, сложенных в форме двери, и попала в Волшебную страну, которая оказалась совсем не такой, как её описывали «Валшебные сказки для хороших детишек»¹. Тиффани знала: камни и впрямь таят опасность.

Сегодня у неё возникло ощущение, что ей непременно надо подняться к камням. Как всякая благоразумная ведьма, она носила крепкие башмаки, не признающие никаких преград, – добротные башмаки, прямо воплощение благоразумия. Но они не мешали Тиффани чувствовать под ногами её землю, слышать, что земля говорит ей. Это ощущалось как своего рода щекотка в подошвах. Сегодня щекотка возникла будто исподтишка и настойчиво потребовала внимания, позвала вверх, на холм, и Тиффани ощутила этот зов, хотя в этот момент руки её были по локоть в страдающей коликами овце. Тиффани не знала, зачем ей идти к камням, но ведьма всегда прислушивается к тому, что может оказаться таинственным зовом. Кроме того, круги ведь служили оборонительным рубежом. Они защищали её землю от того, что могло прийти с той стороны.

Так что Тиффани не откладывая отправилась наверх. Когда она тронулась в путь, на сердце у неё было немного тревожно. Но тут, наверху, откуда открывался вид на все Меловые холмы до самого края, вдруг оказалось, что всё хорошо. Здесь всегда было хорошо. Даже теперь.

Или не всё? Тиффани с удивлением обнаружила, что не одну её сегодня потянуло подняться сюда. Она покружилась на месте, вдыхая кристально-чистый холодный воздух, прислушиваясь к голосу ветра, а сухие листья танцевали у её ног, и заметила, как поблизости мелькнула знакомая рыжая шевелюра и синяя от татуировок кожа. И когда игривая стайка листьев облепила рогатый шлем, сделанный из кроличьего черепа, из-под шлема раздалось приглушённое «Раскудрить!».

– Эг' меня кельда сюдыть заслала, позырить за каменюками, – сказал Явор Заядло.

Он озирал окрестности, стоя на скальном выступе, с таким видом, словно ожидал увидеть вражескую армию, которая могла появиться откуда угодно. Особенно из круга камней.

– И ежели эти чувырлы сызнава к нам сунутся, мы уж их встретим, – добавил он с надеждой. – Мы им показнём истинно фиглёвое гостеприимство!

Он выпрямился во весь свой шестидюймовый синеватый рост и погрозил мечом невидимому врагу.

Выглядело это, в который раз подумала Тиффани, по-настоящему устрашающе.

– Те, кто когда-то угонял здесь скот, уже давно мертвы, – сказала она, не успев прикусить язык.

А Задним Умом запоздало сообразила: «Надо было слушать внимательно. Если Джинни, жена Явора Заядло и кельда местного клана Фиглей, почувствовала, что тут что-то назревает, значит, беда уже в пути».

– Мертвы? И чё, мы вот тож мёртвые, – пожал плечами Явор².

– Увы, – вздохнула Тиффани. – В те стародавние времена люди просто умирали и не возвращались обратно, как вы.

– Они б возвернулись, ежели б у них был наш брос, – сказал Явор Заядло.

– А что это? – спросила Тиффани.

– Ну, оно навроде каши. Берёшь овёс и всяко-такo и, мож, мал-мал капелюху бренди или особой бураньей притирки твоей бабки.

Тиффани засмеялась, но тревога её не отпускала. «Надо поговорить с Джинни, – поняла она. – И кельда, и мои башмаки почувствовали одно и то же. Это неспроста».

¹ Об этом рассказывается в книге «Маленький свободный народец». Тиффани тогда было девять лет. (Примеч. перев.)

² Нак-мак-Фигли верят, что они уже умерли, уж больно прекрасен этот мир. Ведь в нём столько возможностей от души «тыркс, морда драк и пойло жракс» – рай для настоящих героев, да и только. (Здесь и далее, если не сказано иного, – примечания автора.)

Вместе они дошли до большого, поросшего травой кургана, под которым скрывалось хитроумно устроенное обиталище Фиглей. Пробравшись сквозь колючие кусты к главному входу, они застали там Джинни. Она сидела неподалёку от норы и ела бутерброд.

Бутерброд с бараниной, отметила Тиффани, ощутив лишь крохотный укол раздражения. На самом деле Фигли имели право порой забить старую овцу. Это была плата за то, что они оберегали ягнят, которые вечно норовят сделать то, что ягнята умеют лучше всего – потеряться и погибнуть. На Меловых холмах потерявшиеся ягнята возвращались в стадо с удивительной быстротой, даже не перебирая ногами (ведь под каждой из ног скрывалось по Фиглю) и порой задом наперёд. А ещё Фигли очень любили гонять от ягнят воронов. Фиглей вообще хлебом не корми – дай подраться.

Кельда должна хорошо питаться, ведь она единственная женщина в клане Нак-мак-Фиглей, и сыновей ей приходится рожать пачками³ – не считая одной-единственной дочери, конечно. Каждый раз, когда Тиффани видела Джинни, она замечала, что кельда становится чуть шире и круглее. Кельде требовались обширные бедра, чтобы справиться с её нелёгкой задачей, и сейчас Джинни старательно добавляла им обширности, поедая чуть ли не целую баранью ногу, уложенную между двумя ломтями хлеба, – непростое дело для существа всего шести дюймов роста. Чем старше и мудрее становилась кельда Джинни, тем меньше к тому месту, где на ней держался килт, подходило слово «талиа». Теперь это был скорее экватор.

Юные Фигли пасли улиток и дрались. Словно мячики, они с разбегу отскакивали друг от друга, от склонов холма и порой даже от собственной пятки, когда умудрялись заехать себе в лоб. Тиффани внушала им священный ужас – для них она была чем-то вроде кельды. Завидев её, молодёжь прекратила драться и взволнованно уставилась на Тиффани.

– Ну кыкс, ребя, стройсь! Показните нашей карге, чему вы научились! – скомандовала Джинни с материнской гордостью, слизнув с губ потёки бараньего жира.

«О нет, – испугалась Тиффани. – Что ещё они собираются показать? Надеюсь, это не связано с улитками...»

Но Джинни сказала:

– А ну, расскажите карге нашу Абуку! Ты первый, Чуть-малей-чем-мал-Джок Джок!

Крайний в шеренге юный Фигль почесал спог, вытряхнув оттуда небольшого жука. Тиффани давно заметила, что спогии Фиглей, похоже, чешутся непрерывно. Должно быть, потому, что некоторая часть их содержимого бывает ещё жива.

Чуть-малей-чем-мал-Джок Джок нервно сглотнул.

– А – эт' аружие! – выкрикнул он. И хвастливо добавил: – Чтоб балду снести, знатца.

– Б – эт' башмакс! – рявкнул следующий Фигль, пытаясь отряхнуть с килта какую-то липкую пакость – должно быть, улиточью слизь. – Чтоб балду напирать!

– В – эт' вертел! Мы тыкс мечи зовём. И... вот я ща как дам те люлей, бушь знать, как мя вертелом тычить! – И третий Фигль набросился с кулаками на своего соседа.

Сцепившись, юные Фигли укатились в заросли колючих кустов, обронив что-то жетоватое, узкое, круто изогнутое. Явор Заядло проворно подобрал упавшее и попытался спрятать за спину.

Тиффани прищурилась. Предмет подозрительно напоминал... Да это же обрезок ногтя! С большого пальца ноги, судя по всему.

Явор шаркнул ножкой:

– Ну дыкс ты ж стригёшь эти загогули с ноггов всяких пожиловых господарей почёмздря, а загогули валяются, знатца, прям токо и ждуд, пока их хто-нить подберёт. Они ж крепкие, как кохти.

– Ну, ногти и когти в каком-то смысле одно и... – начала Тиффани, но прикусила язык.

³ Почти в буквальном смысле – кельда обычно рождает по семь сыновей зараз. Дочку Джинни родила вскоре после свадьбы.

В конце концов, кто знает, может, старик вроде господина Нимлета и порадовался бы, узнав, что его ногти по-прежнему кого-то царапают, когда он сам уже не может встать со стула без посторонней помощи.

Кельда между тем отвела её в сторонку и сказала:

– Эта земля хранит в себе твоё имище – Тир-вар-фойн, «Земля под волной». Земля grit с тобой. А ты гришь с нею?

– Да, – сказала Тиффани. – Правда, только время от времени. Но я прислушиваюсь к ней, Джинни.

– Не каждый день? – уточнила кельда.

– Нет, не каждый. Всё дела, дела...

– Я знаю, – сказала Джинни. – Я ведь за тобой призываю, сама понимаешь. Я гляжу за тобой в своей голове, а порой гляжу, как ты вжухаешь на метле над моей головой. И ты ж уж давно вусмерть замоталась. Памятай об этом.

Тиффани вздохнула. Она и правда до смерти устала. Всякая ведьма, которой не чуждо сострадание, ходит по домам. Вот почему она и другие ведьмы постоянно старались помочь, старались заполнить бреши в этом мире: поднести дров, поставить похлёбку на огонь, приготовить из трав лекарство для тех, кого мучает боль в ноге или ещё где, поделиться корзинкой «лишних» яиц или чистой ношеной одеждой для новорождённого с семьёй, где деньги водятся редко. И слушать – всегда слушать, как люди рассказывают о своих бедах и горестях. А эти ногти, особенно на ногах... Ох уж эти ногти. Крепкие, прямо как кремль. А если у старика совсем не осталось друзей, готовых ему помочь, его ногти отрастают так, что завиваются внутри башмаков.

А в награду за все труды – только новые труды. Тому, кто выкопал самую большую яму, выдают самую большую лопату...

– Но сегодня, Джинни, – медленно проговорила Тиффани, – я всё-таки прислушалась к земле. И она сказала мне, что надо сходить к камням...

Невысказанный вопрос повис в воздухе.

Кельда вздохнула.

– Я покуда вижу всё токо смутно, но что-то... что-то не так, Тиффан, – сказала она. – Завесь между нашими мирами тонка, и прорвать её лехко, ты ведь знаешь. Покуда камни стоят, проход перекрыт, а Королева эльфей всё не наберётся силов посля того, как ты её прогнала из нашего миру. Навряд ли ей достанет духу снова пойти поперёк тебя, но... мне тревожно. Я чую что-то, будто туман на нас напозает...

Тиффани прикусила губу. Она знала: если кельда ощутила тревогу, это очень веская причина и самой встревожиться.

– Ты не изводись, – мягко добавила кельда, внимательно наблюдая за ней. – Ежли тебе занадобятся Фигли, они придут. А до той поры мы за тобой призырим. – Она дожевала остатки своего гигантского бутерброда и вдруг сменила тему: – У тебя вродь дружок есть, Престоном ты его кличешь. Часто вы видите, а? – Взгляд Джинни сделался прицельным и резким, как взмах боевого топора.

– Ну, – проговорила Тиффани, – у него много работы, да и у меня тоже. У него – в больнице, у меня – в холмах.

К своему ужасу, она почувствовала, что краснеет. Это был такой румянец, который начинается где-то внизу, чуть ли не в пальцах ног, и медленно поднимается до самой макушки, пока ты вся не станешь красная, как помидор.

Ну как так можно! Она ведь не деревенская простушка, которая завела ухажёра. Она ведьма!

– Мы пишем друг другу, – добавила Тиффани тихонько.

– И всё? Думаешь, писемов довольно?

Тиффани сглотнула комок в горле. Когда-то она думала – и все думали, – что они с Престоном Понимают Друг Друга. Он был образованным юношей и учил детей в школе, которую с недавнего времени открыли в старом амбаре Боленов. А потом он накопил достаточно денег и отправился в большой город, чтобы стать врачом. И все по-прежнему считали, что они Понимают Друг Друга, даже сами Тиффани с Престоном так считали. Вот только... делала ли она то, чего все от неё ожидали?

– Он очень хороший, рассказывает такие смешные истории и умеет обращаться со словами, – попыталась объяснить Тиффани. – Но... мы любим нашу работу. Можно сказать, что мы и есть наша работа. У Престона очень много дел в Бесплатной больнице леди Сибиллы. А я всё думаю, думаю о матушке Болен – ей так нравилось жить самой по себе на высоком пастбище, где с ней были только собаки, Гром и Молния, и... – Она умолкла, потому что Джинни положила свою коричневую, как орех, ладошку ей на руку.

– Думаешь, так оно и надо жить, милая?

– Ну, мне нравится помогать людям...

– Но кто тебе подмогнёт? Я токо и вижу, как твоё помело повсюду вжихает, да так быстро, что чуть не искрит. Ты по-за всеми приглядываешь – а кто за тобой пригляднёт? Ежли уж Престон далёко, так ведь есть ещё твой друг барон с супружницей. Им-то уж не всё равно до своих людей. Так не всё равно, что и подмогнут, ежли надо.

– Им не всё равно, – сказала Тиффани, с содроганием вспомнив, что было время, когда считалось, что они Понимают Друг Друга с Роландом, нынешним бароном.

Ну почему всем так приспичило найти ей мужа? Неужели она сама не сможет его найти, если вдруг понадобится?

– Роланд очень порядочный человек, хотя и не настолько хороший барон, каким к концу жизни стал его отец. А Летиция...

Летиция, подумала она. И Тиффани, и Летиция знали, что у Летиции есть способности к магии, но сейчас ей было не до того – она играла роль молодой баронессы. И у неё это отлично получалось. Тиффани всерьёз опасалась, что Летиция решит ограничиться обязанностями баронессы и не брать на себя ещё и ведьмовские хлопоты. В конце концов, быть баронессой – это ведь куда менее пыльная работа.

– Ты уж сделала столько, что кто другой бы и не поверил, – продолжала Джинни.

– Ну, ещё многое надо сделать, а рук не хватает, – ответила Тиффани.

Тут кельда улыбнулась ей странной улыбкой. И сказала:

– А ты знать-то даёшь кому, что тебе ещё руки нужны? Ты небось трусишься попросить, чтоб тебе помог кто. Гордость, милая, дело хорошее, да токо со временем она тебя добьёт вусмерть.

Тиффани рассмеялась:

– Джинни, ты всегда права. Но я ведьма, а у ведьм гордость в крови.

Ей вспомнилась матушка Ветровоск – ведьма, которую все остальные ведьмы считали самой мудрой и самой главной среди них. Матушка никогда не говорила ничего с гордостью, но ей и не требовалось. Гордость была частью её естества, и это всегда чувствовалось. На самом деле все качества, которые должны быть присущи настоящей ведьме, у матушки имелись в таком количестве, что хоть лопатой гребь. Тиффани надеялась, что когда-нибудь и она сама станет такой же могущественной ведьмой.

– От и славно, что оно так, – сказала кельда. – Ты – наша карга холмов, и нам надо, чтоб у нашей карги доставало гордости. Но ещё нам надо, чтоб у тебя и своя жисть была, для себя самоёй. Так что ступай себе и иди за ветром вслед: куда он дует – туда и ты.

Внизу, на равнинах Графств, ветер дул зло и яростно, будто что-то раздосадовало его до крайности, он забирался в каждую щель и завывал в дымоходах родового поместья лорда Верт-

люга. Поместье стояло посреди раскинувшегося на много акров парка, и путь к его крыльцу пролегал по длинной подъездной аллее – что не позволяло приблизиться к дому тем гостям, у кого не было по крайней мере приличной лошади.

Это в полной мере относилось к окрестным жителям, в большинстве своём фермерам, которые не могли похвастаться избытком свободного времени для таких долгих поездок. Их лошади были большими и мохноногими и обычно к ним прилагались телеги. Поджарые, немного чокнутые лошади, которые гарцевали по аллее или тянули коляски к крыльцу господского дома, принадлежали, как правило, совсем другим людям – тем, у кого большие земельные угодья и большие деньги, но зачастую очень маленький подбородок. И жена под стать лошади.

Лорд Вертлюг унаследовал деньги и титул от своего отца, который был выдающимся архитектором, но при этом ещё и пьяницей и потому спустил на ветер почти всё⁴. Однако молодой Гарольд Вертлюг старался как мог, крутился и вертелся и в конце концов восстановил семейное состояние. Он даже пристроил два новых крыла к усадьбе и наполнил дом баснословно дорогими и уродливыми произведениями искусства.

У него было три сына, и лорд Вертлюг был чрезвычайно доволен тем обстоятельством, что жена родила ему не только наследника и запасного наследника на случай, если что-нибудь случится с первым, но и третьего, совсем уж запасного⁵. Лорду Вертлюгу нравилось превосходить других людей во всём, даже если это превосходство выражалось в наличии сына, которым лорд до поры до времени не особенно интересовался.

Старший сын, Гарри, не слишком долго ходил в школу, потому что рано начал помогать отцу в управлении поместьем и теперь постигал, кто достоин разговаривать с ним, а кто нет.

Номером вторым шёл Хью. Он выразил желание пойти в священнослужители. Отец ему на это сказал:

– Можешь стать священником, но только в церкви Ома и никакой другой. Я не потерплю, чтобы мой сын морочил себе голову всякими культурами!⁶

Ом был молчаливым богом, что было очень удобно, поскольку позволяло священникам толковать его желания по своему усмотрению. И как ни странно, Ом никогда не требовал: «Накорми бедных» или «Поддержи стариков», зато настаивал: «Тебе нужно богатое поместье!» и «Почему бы не устроить ужин из семи блюд?». Поэтому лорд Вертлюг считал, что служитель такого бога в семье мог бы очень пригодиться.

Третьего сына звали Джеффри. Никто и понятия не имел, что из Джеффри вырастет. А меньше всех понимал это сам Джеффри.

Лорд Вертлюг нанял сыновьям учителя по фамилии Виггал. Старшие чуть ли не в глаза звали его Фингалом, но для Джеффри господин Виггал был посланцем небес. Учитель привёз с

⁴ Сам отец лорда Вертлюга считал, что деньги он тратит с толком, ведь он получал огромное удовольствие, пропивая семейное состояние. По крайней мере, он считал так до того дня, когда выпил слишком много, упал и в результате на много раньше положенного встретился с одним господином, отличавшимся заметным недостатком плоти на костях и не менее заметным наличием косы.

⁵ *...но и третьего, совсем уж запасного.* // Это шутовское английское присловье, употребляющееся обычно по отношению к представителям аристократии и особенно королевского дома, подразумевает, что в семье непременно должно быть минимум двое сыновей: один наследует титул (корону), а второй служит своего рода гарантией того, что род не прервётся, если что-либо случится с первым. При благоприятном раскладе второй сын так и остаётся «запасным»; однако британская история богата на сюрпризы и знает немало примеров того, как «запасной» оказывался на троне. Так, одним из самых знаменитых «запасных» в английской истории был Генрих VIII: после смерти своего старшего брата Артура он становится наследником престола, а затем и королём в 1509 году; причём унаследовал он у брата не только корону, но и жену: Генрих предусмотрительно сочетался браком с вдовой брата, Екатериной Арагонской, чтобы сохранить союз Англии с Испанией. «Запасным» был и отец нынешней правящей королевы, Елизаветы II, Альберт Фредерик Артур Георг, второй сын короля Георга V, что в один прекрасный день, после отречения своего брата Эдуарда VIII, неожиданно для себя самого в 1936 году взошёл на престол как Георг VI, а его дочь, принцесса Елизавета, стала наследницей престола. Так что и «запасные» порою очень пригождаются!

⁶ Лорд Вертлюг знал, что требования богов могут причинять некоторые неудобства. У него был знакомый, который решил стать жрецом бога-крокодила Оффлёра и обнаружил, что ему придётся содержать вольер с птицами-зубочистками, чтобы удовлетворять стоматологические прихоти его бога.

собой целый ящик книг – он хорошо знал, что в огромных поместьях, как правило, не сыщешь ни одной книги, если не считать описания какой-нибудь древней битвы, где кто-то из хозяйских предков блеснул глупостью и героизмом. Господин Виггал и его потрясающие книги поведали Джеффри о таких великих философях, как Лай Тинь Видль, Оринжкрат, Зенон и Ибид, и о таких великих изобретателях, как Златоглаз Сереброрук Дактилос и Леонард Щеботанский⁷. И постепенно Джеффри начал понимать, кем он вырастет.

⁷ *Господин Виггал и его потрясающие книги поведали Джеффри о таких великих философях, как Лай Тинь Видль, Оринжкрат, Зенон и Ибид, и о таких великих изобретателях, как Златоглаз Сереброрук Дактилос и Леонард Щеботанский.* // Мистер Виггал знакомит Джеффри с сочинениями выдающихся умов Плоского мира, хорошо известных читателям Пратчетта. // *Лай Тинь Видль* упоминается в целом ряде романов как один из величайших философов прошлого; его афоризмы и назидательные высказывания цитируются в самых разных контекстах: «Однажды на одной вечеринке знаменитого философа Лай Тинь Видля спросили: “Почему вы здесь?” Ответ занял три года» («Безумная звезда»). «Как утверждает философ Лай Тинь Видль, хаос именно там процветает, где настойчивее всего ищут порядка. Хаос всегда побеждает порядок, поскольку лучше организован» («Интересные времена»). «Как говорит великий философ Лай Тинь Видль, “ожидая могучего коня, ты способен отыскать копыта даже у муравья”» («Интересные времена»). «Все различные места суть одно и то же место, просто это место очень большое» («Посох и шляпа»). «Согласно утверждению философа Лай Тинь Видля, известна только одна вещь, двигающаяся быстрее обычного света. Это монархия. Ход рассуждений Видля примерно таков: в каждый данный момент вы не можете иметь больше одного короля. Наряду с этим традиция требует, чтобы между королями не было промежутков. Следовательно, когда король умирает, престол должен перейти к наследнику мгновенно. Предположительно, рассуждает философ, должны существовать некие элементарные частицы – королионы или, возможно, королевроны, обеспечивающие непрерывность. Но, конечно, даже здесь случаются проколы, и цепь прерывается» («Мор, ученик Смерти»). Прототипом Лай Тинь Видля в реальном мире, по-видимому, был китайский мыслитель и философ Конфуций (ок. 551 до н. э. – 479 до н. э.). // *Оринжкрат*, философ, возможно, из Эфеба, автор труда «О природе растений» (в нём описано 600 растений и способы их использования), упоминается в романе «Мелкие боги». Его прообразом в реальном мире послужил, вероятно, знаменитый древнегреческий врач и философ Гиппократ (460–370 гг. до н. э.), вошедший в историю как «отец медицины». // *Зенон*, один из эфебских философов, фигурирует в романе «Мелкие боги»; его прототипом в Круглом мире является философ Зенон Элейский (V в. до н. э.) – об этом свидетельствует и имя, и его любовь к парадоксам. (В русском переводе Зенон Эфебский ему ещё и абсолютный тёзка; в английском оригинале эти два имени немного отличаются: на самом деле эфебского философа зовут Ксенон, англ. *Xeno*). // *Ибид* – современник Зенона и его постоянный противник в философских спорах, автор «Принципов идеального государства» и «Об исторической неизбежности». В Эфебе даже сложились две противоположные философские школы: «Есть зенонисты, – быстро ответил Бедн, – которые говорят, что мир сложен и беспорядочен. Есть ибидиты, которые утверждают, что мир изначально прост и развивается в соответствии с определёнными фундаментальными правилами» («Мелкие боги»). Судя по тому, что Ибиду приписывается авторство «Бесед» (в русском переводе – «Отвлечения»), его прототипом в Круглом мире является древнегреческий философ Эпиктет (ок. 50–138 гг. н. э.). // *Златоглаз Сереброрук Дактилос*, величайший из мастеров Плоского мира, фигурирует в романе «Цвет волшебства». Он изготовил Железных Воинов, которые охраняют Гробницу Питчю, за что получил много золота, но, чтобы мастер не создал ничего сравнимого с големами, ему выкололи глаза. Он построил Дворец Семи Пустынь, за что эмир осыпал его серебром, но приказал отрубить ему правую руку, чтобы мастер не повторил своего шедевра. Он спроектировал Световые Дамбы Великого Нефа; племенной совет Нефа одарил его превосходными шелками, а потом приказал перерезать мастеру сухожилия, чтобы он не сбежал. Из шёлка и бамбука Дактилос построил летательную машину и сумел улететь в Крулл. По приказу архиастронома Крулла он спроектировал «рыбу, которая могла бы плавать по морям пространства, где лежат между мирами», – корабль «Могучий Вояжёр» – и был убит. Печальную участь Дактилоса в Круглом мире разделяли многие великие мастера. Так, Минос, царь Критский, держал гениального изобретателя Дедала в тюрьме, чтобы никто больше не мог воспользоваться его услугами. Пражского часовщика Яна Руже, известного также как мастер Гануш, – ему приписывается создание Пражских курантов, – по преданию, приказали ослепить члены Пражского совета, чтобы мастер нигде более не смог повторить свою работу. Похожая легенда сложена о зодчих Покровского собора, он же собор Василия Блаженного: Барма и Постник якобы были ослеплены по приказу Ивана Грозного, «чтоб в земле его церковь стояла одна такова» (*Д. Кедрин*). Даже при том, что легенды эти, скорее всего, являются вымыслом, поневоле задумаешься, сколь опасна работа инженера, и повторишь за архиастрономом: «Не могу избавиться от ощущения, что в других занятиях риска куда меньше». // *Леонард Щеботанский* – гениальный инженер, изобретатель и художник из Анк-Морпорка, известный также как Леонардо. Его хобби – проектирование немислимых орудий войны, притом что добрейший и простодушнейший мастер отказывается поверить, будто кто-либо воспользуется его опасными изобретениями по назначению. Изобрёл «ружие» («К оружию! К оружию!»), осадные машины, подводную лодку (которую назвал «Машиной Для Безопасного Спуска Под Воду», – вот с придумыванием названий у Леонарда всегда были проблемы («Патриот»), шифрующий и дешифрующий механизмы («Пятый элевант»), среди его разработок есть мотоцикл, и взрывное устройство, и «экспериментальный прибор для преобразования химической энергии во вращательное движение», и много чего другого. Леонард Щеботанский прославился и как талантливый живописец. Самая его известная картина – «Мона Ягт», портрет нянюшки Ягт в молодости («Её зубы буквально следуют за тобой по всему залу» – «К оружию! К оружию!»). Леонард Щеботанский, несомненно, является пародией на великого изобретателя Круглого мира Леонардо да Винчи (1452–1519), но при этом унаследовал также и ряд черт сэра Джорджа Кейли (1773–1857), одного из первых теоретиков в области воздухоплавания, и Николы Теслы (1856–1943) – блестящего инженера и физика, создателя как вполне реальных устройств, таких как высокочастотный трансформатор и асинхронный электродвигатель, так и, предположительно, гипотетических «лучей смерти» и «электромобилья». Подобно Леонарду, Н. Тесла был не мастер придумывать названия для своих гениальных изобретений: так, его бестопливный генератор

Иногда вместо уроков и чтения господин Виггал брал Джеффри с собой копаться в земле – в поисках старых костей и старых домов. Они путешествовали по окрестностям, и учитель рассказывал Джеффри об устройстве Вселенной такие вещи, каких мальчик и вообразить не мог. Чем больше Джеффри узнавал, тем больше он жаждал знаний, тем больше ему хотелось узнать всё о Великом А⁷Туине и землях за пределами Графств.

– Простите, сэръ, – обратился он как-то к наставнику, – как вы стали учителем?

Господин Виггал рассмеялся и ответил:

– Один человек научил меня, вот и всё. Так оно и происходит. И он дал мне книгу, а потом я уж сам стал читать всё, до чего мог дотянуться. Вот прямо как вы, молодой господин. Я заметил, вы читаете всё время, не только на уроках.

Джеффри знал, что отец относился к учителю с презрением, но мать настояла, что учитель нужен. Пусть Джеффри учится, сказала она, у мальчика светлая голова.

Отец глумливо усмехнулся:

– По-моему, голова у него вся чёрная от грязи, в которой он копается. А в голове – одни покойники. И вообще, какая разница, где находится Четыре-Икса? Кому взбрѣдет в голову поехать туда?⁸

У матери был усталый вид, но она продолжала заступаться за Джеффри:

– Мальчику хорошо даётся чтение, и господин Виггал научил его трѣм языкам. Джеффри даже немного говорит по-оффлиански.

Отец только фыркнул:

– Какой с того прок? Разве что он решит стать зубным лекарем! И вообще, зачем учить языки? В наше время весь мир уже говорит по-анк-морпоркски.

Но мать сказала Джеффри:

– Читай, мой мальчик. Чтение выведет тебя в люди. Знания – ключ ко всему.

Вскоре после этого лорд Вертлюг выгнал учителя, сказав:

– Чепуха это всё! Что-то не похоже, что из Джеффри выйдет толк. Куда ему до братьев!

Стены дома имели особенность: они подхватывали звук и разносили его по всем комнатам, поэтому Джеффри слышал эти слова. И подумал: «Не знаю, кем я стану, но кем я точно не хочу становиться – так это таким человеком, как мой отец».

Когда учитель уехал, Джеффри принялся бродить по окрестностям, узнавая новое, и много времени проводил в обществе Мактавиша, младшего конюха. Мактавиш был стар как мир, но почему-то оставался для всех младшим конюхом, и обращались к нему просто: «Эй, парень!» Он знал голоса всех птиц на свете и умел им подражать.

Мактавиш был с Джеффри, когда мальчик нашѣл Мефистофеля⁹. Одна старая коза принесла приплод. Два козлѣнка родились крепкие и здоровые, а третий, несчастный недомерок, лежал в соломе, отвергнутый матерью.

в патенте от 1901 года значится как «Прибор для Утилизации Лучистой Энергии».

⁸ И правда, никому. Зато многие приезжают оттуда, как и из многих других Захолустьев-О-Которых-Никто-Не-Слышал. Просто эти люди редко возвращаются обратно.

⁹ *Мефистофель* – имя злого духа в мифологии эпохи Возрождения Круглого мира, то же, что бес или демон. Происхождение этого имени не вполне понятно, возможно, оно составлено из элементов древнееврейского или греческого языка. В Библии Мефистофель не фигурирует; этот демон явился из немецкого фольклора и в литературе поначалу был связан с легендой о докторе Фаусте. В XVI веке Мефистофель стал известен как литературный персонаж немецкой народной книги «Легенда о докторе Фаусте...» и вошёл во все последующие пересказы этой легенды: именно Мефистофелю учёный Фауст предлагает в залог свою душу. Но Мефистофель – не сам Сатана, а лишь один из его слуг. Так, в пьесе К. Марло «Трагическая история доктора Фауста» (ок. 1589 г.), Мефистофель говорит о себе как об одном из сторонников Люцифера и признаётся, что терпит бесконечные муки: // Мефистофель: // Мы те, что пали вместе с Люцифером. На Господа восстали с Люцифером И осуждѣнье терпим с Люцифером. // Фауст: // Где осуждѣнье терпите? // Мефистофель: // В аду. // Фауст: // Но как же ты сейчас вне сферы ада? // Мефистофель: // О нет, здесь ад, и я всегда в аду. Иль думаешь, я, зревший лик Господень, Вкушавший радость вечную в раю, Тысячекратным адом не терзаюсь, Блаженство безвозвратно потеряв? О Фауст, брось бесплодные вопросы, Что ужасом гнетут мой скорбный дух. // (Пер. Е. Бирюковой) // К XVII веку имя Мефистофеля стало использоваться независимо от легенды о Фаусте; так, в комедии У. Шекспира «Виндзорские насмешницы» оно употребляется как оскорбительное ругательство. И

– Я попробую спасти этого козлёнка, – заявил Джеффри.

И целую ночь не смыкал глаз, выдавая по капле молоко у козы и давая малышу слизывать его с пальца, пока наконец под утро козлёнок не уснул у него под боком в разворошённом тюке сена, где они пытались согреться.

«Он такой крохотный, – думал Джеффри, глядя на щёлочки закрытых глаз козлёнка. – Я должен дать ему шанс».

Козлёнок воспользовался этим шансом и вырос в сильного молодого козлика, бодливого и брыкливого, как чёрт. Он ходил за Джеффри повсюду, и если ему казалось, что кто-то хочет обидеть хозяина, он тут же наставлял на противника острые рожки. А поскольку козлик подзревал врага чуть ли не в каждом встречном, очень многим слугам и гостям доводилось проявлять благоразумие и галопом скакать прочь, завидев нацеленные на них козлиные рога.

– Почему ты назвал этого чокнутого козла Мефистофелем? – спросил Мактавиш.

– Я вычитал это имя в книге¹⁰, – ответил Джеффри. – По-моему, отличная кличка для козла.

Джеффри рос, постепенно превращаясь из мальчика в юношу, а потом и в молодого человека, но всё время благоразумно старался пореже попадаться отцу на глаза.

Однажды Мактавиш оседлал для него лошадь, и они вместе отправились в поля на самой границе владений лорда Вертлюга. Там они спешили и тихонько пробрались в лес, где жили лисы. Они уже не раз приходили сюда посмотреть, как лиса играет со своими лисятами.

– Вон как веселятся, любо-дорого глядеть, – прошептал Мактавиш. – Мама-лиса ест и кормит лисят. Но как по мне, лучше б они не так налегали на моих цыплят. Они убивают нашу птицу, а мы убиваем их. Так оно и идёт.

– Так не должно быть, – серьёзно проговорил Джеффри, всей душой сочувствуя лисе.

– Но нам нужно защищать наших кур, – сказал Мактавиш. – Я привёл вас сюда потому, что скоро ваш отец захочет, чтобы вы ездили на охоту вместе с ним. Может, вот на эту самую лису и будете охотиться.

– Понятно, – сказал Джеффри.

Про охоту на лис он, конечно, знал. Его с самого детства заставляли смотреть на выезд охотников.

– Мы должны защитить курятники, а мир может быть жесток и безжалостен. Но превращать это в игру – неправильно. Это ужасно! Настоящее истребление. Неужели обязательно всех убивать? Неужели обязательно убивать мать, которая кормит своих малышей? Мы берём так много и не даём взамен ничего. – Он встал и побрёл обратно к своей лошади. – Я не хочу охотиться, Мактавиш. Честное слово, я не любитель ненавидеть, я даже собственного отца не ненавижу, но охота – такое дело, которое я бы с удовольствием засунул в тёмный ящик и заколотил гвоздями.

Мактавиш встревожился:

– Были б вы поосторожней, господин Джеффри. Знаете ж своего батюшку. Он малость упёртый.

– Мой отец не упёртый. Он сам что хочешь упрёт, – с горечью сказал Джеффри.

– Ну, тогда, может, вы поговорите с ним или матушка ваша поговорит? Так, мол, и так, не готовы вы пока охотиться, – предложил Мактавиш.

всё-таки и персонаж, и имя обрели широкую известность благодаря очередной версии легенды о Фаусте – философской драме «Фауст» И. В. Гёте (первая треть XIX в.). Остаётся лишь гадать, какую из этих книг прочёл Джеффри – и какую форму обрела легенда о Фаусте в Плоском мире.

¹⁰ Что лишний раз доказывает: в книгах можно почерпнуть много полезного. Например, подходящую кличку для умного и жутко вредного козлика.

– Без толку, – сказал Джеффри. – Если уж он что вбил себе в голову, его не переубедишь. Я иногда слышу, как мать плачет. Она старается, чтобы её никто не видел в такие минуты, но я знаю – она плачет.

Вот тогда-то он поднял глаза, увидел парящего в небе ястреба и подумал: «Свобода... Всё, чего я хочу, – это свободы».

– Как бы я хотел уметь летать, Мактавиш, – вздохнул он. – Как птицы... Как Бекар...¹¹

И почти сразу же он увидел, как по небу, вслед за ястребом, пронеслась ведьма. Джеффри вскинул руку и показал на помело:

– Хочу такое! Хочу быть ведьмой.

Но старик покачал головой и сказал:

– Это не про вас, мальчик мой. Всякий знает: мужчина ведьмой быть не может.

– Но почему? – спросил Джеффри.

Старик пожал плечами и сказал:

– А вот этого никто не знает.

А Джеффри ответил:

– Я хочу знать.

В день своей первой охоты Джеффри выехал рысью вместе со всеми, бледный, но решительный. «Сегодня я должен постоять за себя», – подумал он.

Вскоре местные аристократы уже мчались галопом через поля и леса. Особо отчаянные даже перемахивали через канавы, изгороди или ворота, причём некоторые, преодолевая препятствия, оставляли коней позади. Джеффри старательно держался в задних рядах, пока наконец не улучил возможность незаметно отделиться и улизнуть. Он поехал назад через лес по широкой дуге. Сердце его обливалось кровью, особенно когда лай собак сменился радостным визгом – это означало, что кто-то подстрелил зверя.

Потом настало время возвращаться домой. Все пребывали в той счастливой стадии, когда слово «завтра» ещё что-то значит, но в руке у тебя уже дымится кружка с горячим питьём, щедро сдобренным чем-нибудь, не слишком отличающимся от особой овечьей притирки, которую готовила бабушка Тиффани. Награда для вернувшихся героев! Они побывали на охоте и выжили. Уррра! Охотники пили и прихлёбывали, проливая питьё на свои отсутствующие подбородки.

Но лорд Вертлюг посмотрел на лошадь своего сына Джеффри – единственную лошадь, которая не блестела от пота и чьи бабки не были забрызганы грязью, – и пришёл в ярость.

Братья держали Джеффри, а мать смотрела на отца с мольбой, но лорда ничто не могло смягчить. Мать отвернулась, когда отец мазнул по лицу Джеффри лисьей кровью.

Лорд Вертлюг чуть не лопался от злости.

– Где ты был? Ты должен был быть с нами, когда мы прикончили лису! – ревел он. – Ты у меня будешь охотиться, молодой человек, ты у меня полюбишь охоту! Я охотился с юных лет, и мой отец тоже, и его отец! Это традиция. Традиция, понимаешь ты? Каждый мужчина

¹¹ Легенда о Летале и его сыне Бекаре, которые мечтали летать как птицы, была известна всякому образованному юноше. Эти двое сшили себе крылья из птичьих перьев и семян чертополоха. Мальчик-то немного пролетел, а его старый и толстый отец рухнул сразу же. Мораль истории такова: хорошенько подумай, прежде чем браться за дело. Легенда о Летале и его сыне Бекаре... Сходная легенда существует и в нашем мире: это древнегреческий миф о великом изобретателе и архитекторе Дедале и его сыне Икаре. Непревзойдённый инженер Дедал, автор многих удивительных изобретений (так, именно он построил лабиринт на острове Крит), создал искусственные крылья, скрепив перья воском, для себя и сына, чтобы улететь с Крита, где их держал в плену царь Минос, не желавший, чтобы кто-либо, кроме него, воспользовался услугами Дедала. В отличие от «Летала и его сына Бекара», в Круглом мире погиб Икар: взлетев в небо, юноша неосторожно приблизился к солнцу, и жар его лучей растопил воск, скрепляющий перья крыльев, а Дедал (вероятно, не столь тяжёлый, как его двойник из Плоского мира) благополучно долетел до Сицилии.

в нашем роду в твоём возрасте уже отведал крови! Кто ты такой, чтобы говорить, будто это неправильно? Позор на мою голову!

Вот тогда-то он и ударил сына по лицу свежесодранной лисьей шкурой.

Джеффри стоял, и кровь лисицы стекала по его щеке. Он посмотрел на мать:

– Эта лиса была прекрасным созданием! Зачем понадобилось её убивать? Забавы ради?

– Пожалуйста, не зли отца! – взмолилась мать.

– Я ходил в лес смотреть на них, а вы на них просто охотитесь. Разве лиса годится в пищу?

Нет. Мы чудовища. Мы, бесшабашные, охотимся и убиваем животных, которых не можем съесть¹². Просто ради забавы.

Вжих!

Было больно. Но Джеффри вдруг ощутил, что его переполняет... что? Это было удивительное чувство – чувство, что он может всё исправить. И он сказал себе: «Я сделаю это. Я смогу. Уверен, что смогу!» Он выпрямился во весь рост и высвободился из хватки братьев.

– Я должен поблагодарить вас, отец, – произнёс он с достоинством и решимостью, которых никто от него не ждал. – Сегодня я постиг важный урок. Но я не позволю вам ударить меня снова. Никогда. Больше вы меня не увидите, если только не изменитесь. Вы поняли меня? – продолжал он очень официальным тоном.

Гарри и Хью уставились на Джеффри почти что с ужасом и стали ждать взрыва. А прочие охотники, которые прежде расступились, чтобы дать лорду Вертлюгу возможность разобрататься с сыном, перестали притворяться, будто не смотрят на них. Устоявшийся мир охоты пошатнулся, воздух заледенел и, казалось, замер в ожидании.

В звенящей тишине Джеффри отвёл свою лошадь в конюшню, оставив лорда стоять посреди двора, будто каменное изваяние.

Джеффри дал лошади сена, расседлал её и снял с неё уздечку. Когда он чистил коня, подошёл Мактавиш и сказал:

– Вы молодец, юный Джеффри. – А потом с неожиданной прямоотой тихо добавил: – Вы сумели постоять за себя, это уж как пить дать. Правильно. Не давайте старому ублюдку измываться над вами.

– За такие слова мой отец может тебя выгнать, – предостерёг Джеффри. – А тебе ведь здесь нравится, верно?

– Ну, тут вы правы, староват я, пожалуй, чтоб заново начинать, – согласился Мактавиш. – Но вы постояли за себя, и никто не мог бы постоять лучше, помяните моё слово. Наверное, теперь вы нас покинете, юный господин?

– К сожалению, да, – признал Джеффри. – Но спасибо тебе, Мактавиш. Надеюсь, мой отец не накажет тебя уже за то, что ты со мной сейчас говоришь.

И тогда самый старый младший конюх в мире сказал:

– Он не выгонит меня отсюда, нет, нипочём не выгонит, куда от меня какой-никакой толк имеется. Да и вообще, за столько-то лет я уж его изучил. Он ведь что твой вулкан, точь-в-точь. Плюёт огнём куда ни попадя, взрывается, и раскалённые камни летают так, что спасайся кто может, но рано или поздно утихомирится. Кто поумней, просто держится подальше до поры, чтоб на глаза не попадаться. Вы были очень добры и любезны со мной, господин Джеффри. Думаю, вы в матушку свою пошли. Прекрасная женщина, золотое сердце, и так помогла мне, когда моя Молли-то умирала. Я помню. И вас я тоже запомню.

– Спасибо, – сказал Джеффри. – Я тоже буду помнить тебя.

¹² Джеффри перефразирует один из известных афоризмов остроумного английского драматурга Оскара Уайльда, вложенный в уста лорда Иллингворта в комедии «Женщина, не стоящая внимания» и описывающий бессмысленность любимой английской забавы – охоты на лис: «невыразимый в погоне за несъедобной» (англ. the unspeakable in full pursuit of the uneatable). В русском переводе пьесы фраза полностью звучит так: «Английский помещик, во весь опор скачущий за лисицей, – бесшабашный в погоне за несъедобной» (Пер. Н. Дарузес).

Мактавиш раскурил гигантских размеров трубку, и по конюшне поплыл дым.

– Я так понимаю, вы и своего чокнутого козла с собой прихватить решили?

– Да, – кивнул Джеффри. – Хотя вряд ли тут от меня что-то зависит – как Мефистофель решит, так и будет. Он всегда всё решает сам.

Мактавиш искоса посмотрел на него:

– А есть у вас еда на дорогу, а, господин Джеффри? А деньги? В дом-то вы небось не пойдёте уже. Давайте-ка я одолжу вам немного из своих до тех пор, пока вы не обустроитесь на новом месте.

– Нет! – воскликнул Джеффри. – И речи быть не может!

– Я вам друг, господин мой Джеффри. Я ведь говорил, ваша матушка была добра ко мне, и я перед ней в большом долгу. Вы уж заглядывайте повидать её как-нибудь. И когда будете тут, не забудьте навестить и старого Мактавиша, вот и всё.

Джеффри сходил за Мефистофелем и запряг его в маленькую тележку, которую Мактавиш когда-то смастерил специально для козлика. Сложив в тележку то небольшое, что мог взять с собой, Джеффри подхватил вожжи, щёлкнул языком, и они выехали с конного двора.

Когда изящные копытца козлика поцокали прочь по дорожке, Мактавиш пробормотал себе под нос:

– Вот как парню это удаётся, а? Эта треклятая скотина норовит залягать любого, кто к ней сунется. Но только не Джеффри.

Если бы Джеффри обернулся, он бы увидел, что мать смотрит ему вслед со слезами и мольбой, а отец по-прежнему стоит посреди двора, потрясённый непослушанием. Братья хотели было кинуться за Джеффри, но гневный взгляд отца их остановил.

Вот так Джеффри и его козёл отправились навстречу новой жизни. «Теперь, – подумал юноша, одолевая первый из многочисленных изгибов подъездной аллеи, – мне некуда идти».

Но ветер шепнул: «Ланкр».

А в Ланкре у матушки Ветровоск день тоже выдался не из лучших. Юный дровосек, работавший на вырубке выше в Овцепикских горах, едва не отхватил себе топором ступню. А местный Игорь, как назло, отлучился, и некому было пришить ступню обратно. Когда матушка прилетела на своей капризной и трясучей метле в лагерь дровосеков, оказалось, что дела парня даже хуже, чем она думала. Он храбрился, чтоб не ударить в грязь лицом перед приятелями, которые обступили его и пытались ободрить, но матушка по глазам видела, что ему очень больно.

Пока она осматривала раненого, он принялся кричать и звать маму.

– Эй, ты, – сказала матушка Ветровоск, устремив свой пронзительный взгляд на одного из дровосеков. – Знаешь, где живёт его семья?

Парень испуганно кивнул – ведьмовская остроконечная шляпа часто нагоняет страх на молодых людей.

– Тогда ступай, – сказала ведьма. – Бегом! Скажи матери, что я доставлю её сына домой, а она пусть согреет воды и приготовит чистую постель. Только чтоб чистую!

Когда гонец умчался, матушка оглядела оставшихся молодых дровосеков, столпившихся вокруг раненого и смущённо переминавшихся с ноги на ногу.

– Теперь вы. Хватит топтаться без толку. У вас здесь полно дерева, сделайте носилки, чтобы я могла отвезти вашего приятеля домой.

Стопа несчастного парнишки болталась едва ли не на ниточке, а его башмак был полон крови. Матушка стиснула зубы. Ей понадобилось всё, чему она научилась за долгие годы, чтобы тихонько, мягко вытянуть из парня боль и забрать себе – до тех пор, когда её можно будет выпустить.

Его лицо разгладилось и оживо, в глаза вернулся блеск. И пока матушка промывала и зашивала рану, парнишка болтал с ней так, будто они старые знакомые. Она спокойным, весёлым голосом поясняла, что сейчас делает, а закончив, дала ему «ложечку микстуры», как она выразилась. Когда дровосеки вернулись с грубо сколоченными носилками, парень сонно рассказывал матушке, как добраться до его дома. Им, должно быть, показалось, что он снова почти как новенький.

Жилища дровосеков высоко в горах часто и домами-то назвать язык не поворачивается – убогие лачуги, да и только. Как оказалось, раненый парнишка – а звали его Джек Эббот – жил с матерью в одной из таких лачуг. Хижина держалась больше на честном слове, чем на гвоздях, и когда матушка Ветровоск приземлилась рядом (носилки были привязаны к её метле снизу), она нахмурилась. Вряд ли парня удастся как следует выходить в таком-то домишке.

Из хижины выскочила мать и бестолково засуетилась вокруг, а дровосек, которого матушка прислала к ней с вестью, помог занести носилки внутрь. Мать раненого успела заранее застелить старый соломенный тюфяк одеялами, и они положили парня на него.

– Лежи здесь и не вздумай вставать! – тихо наказала матушка.

Госпожа Эббот, обезумев от ужаса, ломала руки и лопотала что-то насчёт платы.

– Никакой платы не требуется, госпожа, – сказала ей матушка. – Ведьмы денег не берут. Через несколько дней я загляну навесить твоего сына, а если не смогу, пошли за госпожой Ягг. Знаю я этих мальчишек, он наверняка вскоре захочет встать и заняться делом, но ты запомни: пока что он должен лежать в постели.

Мать усталилась на неё во все глаза и выпалила:

– Ох, огромное вам спасибо, госпожа, э-э... Понимаете, мне раньше не приходилось к ведьмам обращаться, а некоторые тут говорят, что ведьмы творят просто жуткие вещи. Так вот, теперь я им скажу, что ничего такого не видела!

– Правда? – сказала матушка, с трудом сдерживая гнев. – А я бы не прочь сотворить кое-что жуткое с бригадиром дровосеков – за то, что не приглядывал за мальчишками. Если он появится и будет говорить, что твоему сыну пора за работу, гони его прочь, пока я сама не разрешу мальчику вставать. А если будет настаивать, скажи, что матушка Ветровоск придёт по его душу за то, что гоняет на вырубку мальчишек, которые и лазать-то по деревьям толком не умеют. Я добрая ведьма, так уж вышло, но если я увижу, что твой сын принялся за работу прежде, чем нога зажила, уж я кому-то это попомню!

Женщина вышла проводить матушку на крыльцо и сказала на прощание:

– Я буду молить Ома за вас, госпожа Ветровоск!

– Пфф, очень меня волнует, что он там себе думает, – фыркнула матушка. – Но если у тебя найдётся старая ненужная одежда, я бы забрала в следующий раз. Вот это будет хорошая услуга. Я загляну к вам через день-другой. И смотри, держи рану в чистоте!

Матушкина белая кошка по имени Эй ждала её у дома. Там же ожидали и несколько страждущих, которым требовались снадобья и припарки. Один или двое пришли спросить совета, но обычно люди ни о чём не спрашивали матушку Ветровоск, поскольку она и так раздавала мудрые советы налево и направо, не интересуясь, хотят ли люди их получить. К примеру, она советовала не давать малышу Джонни самодельных солдатиков до тех пор, пока он не подрастёт достаточно, чтобы не засовывать их в нос, и прочее в том же духе.

Матушка провела около часа, раздавая снадобья, и только потом поняла, что кошку-то она накормила, а вот сама, похоже, ничего не ела и не пила с самого рассвета. Она разогрела себе похлёбки – не ахти какая еда, но чтобы насытиться, сойдёт.

Потом ненадолго прилегла, хоть и считала, что спать днём могут только разные там высококородные дамы. Поэтому матушка прилегла не на часок, а на минутку – на минутке особенно

не разспишься. В конце концов, всегда есть дома, которые надо обойти, и дела, которые надо сделать.

Она заставила себя встать и, хотя было уже поздновато, отправилась мыть уборную. Она тёрла и тёрла доски щёткой, пока не увидела там своего отражения.

Но так вышло, что отражение поймало её взгляд. И тогда матушка сказала:

– Да провались ты! А у меня-то на завтра были планы получше...

Глава 2. Голос в темноте

День выдался солнечным. Лучшего и не пожелаешь, решила матушка Ветровоск. Она не спала этой ночью – наводила чистоту в своём домике. Вымыла прихожую и кухню так, чтоб всё, что могло блестеть, блестело, отполировала плиту, отчистила полы и стены, вытрясла половичок.

Она поднялась по винтовой лестнице наверх и вымыла до блеска пол в спальне. В этом году матушка сварила отличное мыло¹³, так что кувшин и тазик для умывания у кровати так и сияли. Паукам, рассчитывавшим пребывать в спальне до скончания века, было решительно указано на окно – чтобы убирались, прихватив с собой паутину и прочее. Даже матрас она вытряхнула от души, и теперь он был чист и дышал свежестью. Время от времени кошечка Эй наведывалась взглянуть, что происходит, и полежать на лоскутном одеяле, расправленном на кровати так ровно, что оно смахивало на расплющенную гигантскую черепаху.

Потом матушка ещё раз вымыла уборную. Не самое подходящее занятие для солнечного дня, но Эсмеральда Ветровоск была очень щепетильна в таких делах, и уборная после всех её усилий опять-таки ослепительно засияла. Невероятно, но факт.

¹³ Матушкино мыло во многом походило на её советы: не очень-то приятное и довольно едкое, зато прекрасно помогает.

Кошка следила за ней с выражением глубочайшего внимания на усатой мордочке. Эй чувствовала – этот день особенный. День, какого ещё не было. День, за который надо успеть так много, будто он последний. А когда и в жилых комнатах всё засверкало чистотой, Эй последовала за матушкой в кладовку.

Ведро воды, накачанной при помощи насоса из колодца, совершенно преобразило кладовку. Матушка улыбалась. Кладовка ей всегда нравилась. Здесь не только хранились припасы, но и мылись кастрюли и сковородки, так что в кладовке пахло хорошо сделанной работой. Здесь тоже жили пауки, в основном они скрывались за бутылками и банками на полках. Но матушка решила, что пауков в кладовке можно оставить. Они не в счёт. Живи и дай жить другим.

Дальше она вышла из дома, чтобы проведать коз в загоне. Здесь тоже всё оказалось в порядке, можно было мысленно поставить ещё одну галочку. Матушка осталась довольна – по крайней мере, насколько вообще ведьма может быть довольна, – и направилась к своим ульям.

– Вы – мои пчёлы, – сказала она. – Вы давали мне мёд много лет. Пожалуйста, не горюйте, когда на моё место придёт другая. Надеюсь, вы будете приносить ей столько же мёда, сколько приносили мне. А сейчас я хочу потанцевать с вами в последний раз.

Но пчёлы тихо загудели и сами станцевали для неё, мягко не позволив её разуму войти в них. И матушка Ветровоск сказала:

– Когда я в прошлый раз танцевала с вами, я была моложе. Теперь я стара. И танцы для меня позади.

Эй к пчёлам не пошла, но крадучись последовала за матушкой в сад. Матушка шла по саду, нежно касаясь стеблей и листьев, и казалось, сад откликается на её приветствие, каждое растение почти что кланялось ей, выражая почтение.

Эй прищурилась и взглянула на растения с истинно кошачьим неодобрением. Любой, кто видел их, мог бы поклясться, что травы, кустарники и деревья матушки Ветровоск разумны; часто они качались, когда никакого ветра не было. А однажды – хотя, может, даже и не однажды, – когда Эй вышла на охоту, они все повернулись и уставились на неё. Кошка предпочитала растения, которые делают, что им велено, то есть стоят смирно, пока она не вернётся в дом, чтобы поспать.

Дойдя до конца грядки с травами, матушка остановилась у яблони, которую ей посадил старый Парсонс только в прошлом году. Яблоня росла там, где полагалось бы стоять изгороди, но ведьмы никогда не обносили свои сады изгородями или стенами. Кто решится забраться в сад к ведьме? К злой старой ведьме, живущей в лесу? Порой сказки бывают очень полезны, особенно если ведьма, так сказать, не владеет навыками строительства заборов. Матушка пригляделась к крохотным яблочкам на ветках – они ещё только-только завязались, ну так что ж, время, чтобы вырасти, у них есть. И она двинулась обратно к двери своего домика, по пути снова кивая каждому корешку, стебельку и плоду.

Она покормила коз, которые с подозрением уставились на неё своими глазами-щёлочками и проводили её взглядом, когда матушка перешла к курам. Куры всегда принимались толкаться и драться из-за еды, но сегодня суетиться не стали. Они смотрели на старую ведьму так, будто её и не было.

Накормив скотину и птицу, матушка сходила в кладовку и вернулась с охапкой ивовых прутьев. Устроившись возле дома, она принялась за работу, тщательно вплетая каждый гибкий прут точно туда, куда нужно. Когда труд был завершён и матушка осталась довольна, она пристроила то, что получилось, под лестницей – чтобы те, кто умеет смотреть, сразу увидели.

Прибрав оставшиеся прутья назад в кладовку, она снова вышла из дому. В одной руке у неё был небольшой белый мешочек, в другой извивалась алая лента. Матушка взглянула на небо. Время близилось.

Она быстро зашагала через лес, и Эй побежала за ней, подстёгиваемая чисто кошачьим любопытством – все кошки невероятно любопытны до тех пор, пока не израсходуют хотя бы восемь жизней. Выполнив задуманное, матушка вернулась по своим следам к ручью, бежавшему неподалёку. Ручей весело журчал.

Она знала свой лес. Каждую корягу. Каждый сук. Каждое создание в нём. Знала так хорошо, как может знать только ведьма. Принюхавшись и убедившись, что рядом нет никого, кроме Эй, матушка открыла мешок, достала оттуда кусок мыла и разделась.

Она вымылась в ручье чисто-начисто, вытерлась и завернулась в плащ на голое тело. Так она и вернулась в домик, где ещё раз накормила кошку, погладила её по голове и поднялась по скрипучей лестнице в спальню, напевая себе под нос старую погребальную песнь.

Там Эсмеральда Ветровоск расчесала свои длинные седые волосы и заново собрала их в обычный узел на затылке, заколов целой армией шпилек. Потом надела своё лучшее ведьмовское платье и наименее штопанную пару панталон. Открыла крохотное окошко, чтобы впустить свежий вечерний воздух, и аккуратно положила две монетки по одному пенни на столик у кровати, рядом со шляпой, украшенной неиспользованными булавками.

И наконец, прежде чем лечь в кровать, она взяла старую картонку, которую надписала когда-то давным-давно.

Чуть позже Эй запрыгнула на постель и поняла, что происходит нечто необычное. Заухала сова. Залаяла лиса где-то в ночи.

А потом осталась только кошка по имени Эй. Одна.

Но если только кошки могут улыбаться, она улыбалась.

Это была необычная ночь. Совы ухали, почти не умолкая. Ветер, завывавший снаружи, пробрался в дом и мстительно набросился на огоньки свечей, пока вовсе не задул их. Но матушка Ветровоск была одета в своё лучшее платье и готова ко всему.

И вот в тёплой темноте того часа, когда рассвет украдкой потянул с неба ночь, по душу матушки пришёл гость. Некто с косой, лезвие которой было тонким, будто тень, – таким тонким, что могло с лёгкостью отделить душу от тела.

И тогда темнота заговорила:

– ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, ТЫ ЗНАЕШЬ, КТО Я. ПОЗВОЛЬ СКАЗАТЬ, ЧТО ЭТОТ ВИЗИТ – ЧЕСТЬ ДЛЯ МЕНЯ.

– Я знаю, что это ты, господин Смерть. Мы, ведьмы, всегда знаем, кто к нам приходит, – отозвалась матушка, глядя на своё тело, оставшееся лежать на кровати.

Ей не впервой было беседовать с этим гостем, и она проводила немало душ в ту страну, куда, как было ей известно, матушке предстояло вскоре отправиться самой. Ибо ведьмы стерегут границы между светом и тьмой, между жизнью и смертью; делают выбор, принимают решения – чтобы другие могли притвориться, будто ничего решать и не надо было. Порой ведьмам приходится помогать людям, которым не посчастливилось в их последние часы, чтобы они нашли Дверь, чтобы не заблудились во мраке.

А матушка Ветровоск была ведьмой много, много лет.

– ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, МЫ УЖЕ НЕ РАЗ ВСТРЕЧАЛИСЬ ПРЕЖДЕ, ВЕРНО?

– Да уж, так много раз, что и не сосчитать, господин Жнец. А теперь ты таки заполучил меня, старый хрыч. Ну что же, я своё пожила, тут не поспоришь, и я никогда не лезла вперёд и не жаловалась.

– Я С ИНТЕРЕСОМ СЛЕДИЛ ЗА ТВОЕЙ СУДЬБОЙ, ЭСМЕРАЛЬДА ВЕТРОВОСК, – произнёс голос в темноте. Он был твёрд, но преисполнен почтения. Однако теперь в нём послышался вопрос. – ПРОШУ ПОКОРНО, ОБЪЯСНИ МНЕ, ПОЧЕМУ ТЫ ВЫБРАЛА ЖИЗНЬ В ЭТОЙ КРОШЕЧНОЙ СТРАНЕ, ТОГДА КАК МОГЛА ДОБИТЬСЯ ВСЕГО, ЧЕГО ЗАХОЧЕШЬ, ТАМ, ГДЕ ТЕБЕ ВЗДУМАЕТСЯ?

– Я про мир мало что знаю. Но в своём уголке этого мира я могла творить маленькие чудеса для обычных людей, – резко ответила матушка. – Да мне никогда и не нужен был весь мир, только его кусочек, маленький клочок, который я могла оберегать от бурь. Не тех, что рушатся с неба, как ты понимаешь, – есть и другие бури.

– И ТЫ СЧИТАЕШЬ, ЧТО ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ ХОРОШО ПОСЛУЖИЛА ЛЮДЯМ ЛАНКРА И ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ?

Подумав минуту, душа матушки Ветровск ответила:

– Не хочу хвастаться, твоя неизбежность, но да, думаю, я неплохо поработала. Для Ланкра, по крайней мере. Не знаю, про какие ещё такие Терьторрии ты говоришь.

– ГОСПОЖА ВЕТРОВСК, «ПРИЛЕГАЮЩИЕ ТЕРРИТОРИИ» ОЗНАЧАЕТ «ОКРЕСТНОСТИ».

– А, это да. Уж по окрестностям-то я немало помоталась.

– ТЫ И В САМОМ ДЕЛЕ ПРОЖИЛА ОЧЕНЬ ХОРОШУЮ ЖИЗНЬ, ЭСМЕРАЛЬДА.

– Спасибо, – сказала матушка Ветровск. – Я старалась. Сделала что могла.

– ТЫ СДЕЛАЛА БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОГЛА. И Я БУДУ СЛЕДИТЬ ЗА УСПЕХАМИ ТОЙ, КОГО ТЫ ВЫБРАЛА СЕБЕ НА СМЕНУ. МЫ ВЕДЬ С НЕЙ ТОЖЕ УЖЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ.

– Она отличная ведьма, уж поверь, – отозвалась тень матушки. – Лично я несколько в этом не сомневаюсь.

– ХОРОШО ДЕРЖИШЬСЯ, ЭСМЕ ВЕТРОВСК.

– Признаться, это всё – сплошное неудобство и я вовсе не восторге. Но я знаю, что ты приходишь за каждым. Разве может быть как-то иначе?

– БОЮСЬ, ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ. НАС ВСЕХ НЕСЁТ ПОТОК ВРЕМЕНИ. НО ТВОЯ СВЕЧА, ГОСПОЖА ВЕТРОВСК, БУДЕТ ЕЩЁ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ МЕРЦАТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОГАСНУТЬ, – ПУСТЬ ЭТО СТАНЕТ ТЕБЕ СКРОМНОЙ НАГРАДОЙ ЗА ХОРОШО ПРОЖИТУЮ ЖИЗНЬ. МНЕ ДАНО ВИДЕТЬ ЧАШИ ВЕСОВ, И Я ВИЖУ, ЧТО ТЫ ОСТАВЛЯЕШЬ МИР ЛУЧШИМ, ЧЕМ ОН БЫЛ, КОГДА ТЫ ЯВИЛАСЬ В НЕГО. Я УВЕРЕН, – сказал Смерть, – НИКТО НЕ СМОГ БЫ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ.

Вокруг была только тьма, где ни верха ни низа, никаких ориентиров, лишь крохотные синие огоньки в глазницах Смерти.

– Что ж, хорошее было путешествие, и я успела повидать по пути много прекрасного. Например, тебя, мой верный друг. Ну что ж, идём?

– МЫ УЖЕ УШЛИ, ГОСПОЖА.

Рано утром на поверхности деревенского пруда в окрестностях Ломтя появились пузырьки, а за ними – и мисс Тик, ведьма, занимающаяся поиском ведьм. Поблизости не оказалось никого, кто мог бы стать свидетелем столь впечатляющего появления, если не считать Джозефа, мула мисс Тик, который мирно пасся на берегу. «Неудивительно, – сказала себе мисс Тик, подбирая полотенце. – Все меня бросили».

Она вздохнула. Как печально, когда традиции забываются. В старые недобрые времена бросание ведьмы в пруд было любимым развлечением Константанции Тик. Она столько к нему готовилась. Все эти уроки плавания и изучение узлов в Щеботанском колледже для юных барышень...

Она могла бы, если потребуется, одолеть множество врагов прямо под водой. Или хотя бы побить собственный рекорд по скорости развязывания простых узлов, которые, как все почему-то думали, должны были лишить злую ведьму возможности пошевелиться.

А теперь ей только и оставалось, что нырять в пруды и омуты для собственного удовольствия. И у мисс Тик было нехорошее подозрение, что жители деревень, где она проходила,

стали брать с неё пример. Она даже слышала, что в одной деревушке в окрестностях городка Хэма-на-Ржи образовался кружок любителей плавания¹⁴.

Взяв полотенце, чтобы вытереться, мисс Тик направилась к своему маленькому лагерю, повесила Джозефу на шею торбу с кормом, пристроила над огнём чайник и уселась под деревом, чтобы перекусить.

На завтрак у неё был хлеб, намазанный застывшим жиром, – подарок от фермерской жены в благодарность за вчерашний урок чтения. Покидая тот дом, мисс Тик улыбалась, потому что глаза немолодой уже хозяйки сверкали. «Теперь-то, – сказала жена фермера, – я разберусь, что там, во всех этих письмах, которые приходят Альберту. Особенно в тех, которые пахнут лавандой». Пожалуй, не стоит здесь задерживаться, подумала ведьма. Во всяком случае, лучше уехать, прежде чем Альберт получит очередное письмо.

Насытившись и тем самым подготовившись к долгому дню, мисс Тик ощутила некое напряжение в воздухе и поняла: придётся сплести путанку.

Путанка – это средство, которое помогает ведьме сосредоточить мысли. Путанку всегда надо плести там и тогда, когда она понадобилась, чтобы поймать дух момента. Сделать её можно практически из чего угодно, но в путанке обязательно должно быть что-то живое.

Подойдёт и свежее яйцо, хотя большинство ведьм предпочитает оставить яйцо на обед, а то ещё вдруг лопнет и забрызгает платье. Мисс Тик порылась в карманах.

Там нашлись: мокрица, грязный носовой платок, старый носок, ещё более старый конский каштан, камешек с дыркой и гриб, в съедобности которого мисс Тик несколько сомневалась. Натренированными ловкими движениями она связала всё это воедино при помощи обрывка потрёпанной верёвочки и резинки от трусов.

Когда всё было готово, она потянула конструкцию за верёвочки. Но что-то пошло не так. С громким звоном лопнувшей струны, который ещё долго гулял эхом по поляне, путанка сорвалась с пальцев ведьмы и закружилась в воздухе, причудливо извиваясь.

– О нет! – простонала мисс Тик. – Теперь всё так усложнится!

А тем временем нянюшка Ягг, чей домик стоял по другую сторону леса от домика матушки Ветровоск, чуть не уронила бутылку лучшего домашнего сидра на своего кота Грибо. Она держала бутылки с сидром в ручье, протекавшем неподалёку, выбрав место потенистее. Котяра вознамерился было возмущённо заорать, но, глянув на лицо хозяйки, быстро передумал и постарался прикинуться пайнёвкой. Потому что лицо нянюшки Ягг, обычно улыбочное и дружелюбное, сделалось чернее тучи.

И кот услышал, как она пробормотала:

– Лучше б это была я...

Королева Маграт Ланкрская, бывшая ведьма, и её муж король Веренс пребывали с визитом в Орлее. Тем утром королева обнаружила, что, сколько бы она ни говорила себе, будто оставила магию в прошлом, сама магия и не думала её оставлять. Маграт содрогнулась, почувствовав, как по миру прокатилась невидимая волна, будто цунами, – волна, означавшая, что теперь всё будет... не так, как прежде.

В Анк-Морпорке, в «Магазине полезных мелочей и увеселительных товаров Боффо» все подушки-пердушки вдруг по собственной воле протрубили скорбную ноту. А в Щеботане Агнесса Нитт, певица и ведьма, проснулась с ощущением (многим людям хорошо знако-

¹⁴ Особенно горячо создание кружка поддержали молодые люди, поскольку считали, что – включая девушек – должны заниматься плаванием раздетыми.

мым), что она натворила глупостей на вчерашнем банкете в честь премьеры¹⁵. Ей казалось, что попойка продолжается у неё под черепом. А потом она услышала плач Пердиты у себя в голове.

А в Незримом Университете, расположенном в великом городе Анк-Морпорк, волшебник Думминг Тупс, покончив наконец с затяжным завтраком, спустился в подвал факультета высокоэнергетической магии и застыл в изумлении. Гекс работал.

И не просто работал, а что-то с бешеной скоростью вычислял. А ведь Думминг даже не ввёл в него никакого вопроса! И не потянул Главный Большой Рычаг! Муравьи в трубках носились с такой скоростью, что в глазах рябило. Неужели... неужели муравейник посыпался?!

Думминг торопливо отстучал на клавиатуре вопрос:

– Гекс, что ты знаешь такого, чего не знаю я? Пожалуйста, ответь мне!

В муравейниках завязались короткие потасовки, и Гекс выплюнул ответ:

Практически всё.

Тогда Думминг сформулировал вопрос иначе, аккуратно расставив все необходимые оговорки, ЕСЛИ и ПРЕЖДЕ ЧЕМ.

Фраза получилась длинной и запутанной, составить её было поистине героическим делом для волшебника, который сегодня питался всего один раз. Но Думминг справился и, хотя никто другой ничего не понял бы из его вопроса, Гекс, немного поикав муравьями, выдал ответ:

Мы столкнулись с проблемой смерти матушки Ветровоск.

И Думминг кинулся искать аркканцлера Университета, Наверна Чудакулли, потому что знал: аркканцлер должен услышать эту новость как можно скорее.

Патриций Анк-Морпорка, лорд Витинари, сидел у себя в кабинете и с интересом наблюдал, как кроссворд в «Правде» решается сам собой, словно невидимая рука вписывает буквы в клеточки...

В монастыре исторических монахов Ой-Донг, стоящем у самых вершин Овцепикских гор, настоятель лизнул свой загадочный карандаш и сделал пометку...

Кошечка Эй мурлыкала как заведённая.

А в передвижном настоящем Эскарина, женщина, которая когда-то была волшебником, стиснула руку своего сына и ощутила горе...

Но в мерцающем мире по ту сторону Диска, в мире, где сны могут обернуться явью, в мире, чьи обитатели любят проскальзывать в другие миры, чтобы причинять боль, разрушать, грабить и отравлять, – в этом мире эльф по имени Душистый Горошек¹⁶ почувствовал прокашившуюся по реальности дрожь, как паук улавливает трепыхания жертвы, попавшейся в его сети.

Душистый Горошек радостно потёр руки. «Преграда исчезла, – сказал он себе. – Теперь они уязвимы...»

¹⁵ Правда, у Агнессы перед другими людьми в этом отношении есть преимущество: она всегда может сказать, что это не она вчера отплясывала танец маленьких пикстов на столе, а её второе «я» по имени Пердита. Пердита – девушка куда более раскованная и, увы, куда менее упитанная.

¹⁶ Грозные эльфийские лорды *Душистый Горошек* и (далее) *Горчиное Зёрнышко* обязаны своими цветочно-растительными именами эльфам из свиты Оберона и Титании, владык волшебного королевства в комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь». В этой пьесе о чудесных метаморфозах и торжестве истинной любви эльфы – крохотные крылатые создания, украшающие себя росинками, в плащах из крыльев летучих мышей, способные спрятаться в жёлуде, – куда более безобидны, нежели в мире Пратчетта. Даже если они и склонны порою позабавиться за счёт смертных, то шутки их оборачиваются разве что мимолётным наваждением, которое благополучно развеивается к утру.

А на Меловых холмах кельда клана Нак-мак-Фиглей смотрела в мерцающее пламя своего костра и думала: «Ведьма из ведьм покинула наш мир».

– Доброго тебе путию, всекарга! Нам будет тебя ой как не хватать...

Джинни вздохнула и позвала мужа, Большого Человека клана.

– Явор, мне страшно за нашую мал-мал громазду каргу. Ты будешь нужен ей вскорости. Ступай к ней, Явор. Возьми малу ватагу и ступай.

Сама Джинни направилась в свои покои, чтобы взять котёл. Она понимала: границы мира уже никогда не будут так крепки, как прежде. Ей необходимо было знать, что может явиться в него.

А далеко-далеко, в месте за пределами разума и воображения, некто в чёрном и с косой расседлал белую лошадь. И надо сказать, ему было при этом немного грустно.

Глава 3. Мир вверх тормашками

Это был маленький домик в маленькой деревушке посреди зелёных волн Меловых холмов. Тиффани, закатав рукава по локоть, вспотела не меньше, чем роженица, которую она поддерживала, – совсем молоденькая, всего несколькими годами старше её самой. К этому дню Тиффани уже помогла появиться на свет доброй полусотне младенцев, не говоря уже о бессчётном множестве ягнят, так что большинство людей считали её опытной и знающей повитухой.

К сожалению, мать юной и незамужней Милли Пеналоу и прочие женщины разного возраста, набившиеся в комнату на том основании, что приходились роженице роднёй, считали, что они-то всё знают куда лучше. И сейчас были очень заняты – преимущественно тем, что сообщали Тиффани, что она делает не так.

Они уже успели насоветовать ей много такого, что давно устарело, такого, что ничем бы не помогло, и даже такого, что могло навредить, но Тиффани держала себя в руках, как бы ей ни хотелось наорать на всех этих тётушек. Она постаралась сосредоточиться на Милли и её двойняшках. Главное, чтобы никто не услышал, как повитуха скрипит зубами.

Когда должны родиться два крепких младенца и каждый из них хочет выбраться на свет первым, роды всегда бывают трудными. Но Тиффани оберегала две новые жизни и не собиралась подпускать господина Смерть близко. Молодая мать, обливаясь потом, поднатужилась в

последний раз, и два горластых малыша один за другим с победным воплем вылетели в мир. Тиффани вручила их бабушке и тётушке-соседке.

– Двое мальчишек! Ну разве не чудесно! – воскликнула бабка Пеналоу, явно довольная, что родились именно мальчишки.

Пока кумушки ворковали над новорождёнными, Тиффани вытерла руки, промокнула вспотевший лоб и снова повернулась к молодой матери, чтобы посмотреть, как у неё дела. И тут она поняла, что расслабляться рано. Вместительная утроба юной женщины готовилась произвести на свет ещё одного ребёнка. Да, точно, был и третий младенец, которого все прогледели из-за его бойких братишек, прорвавшихся к жизни первыми.

В этот самый миг Тиффани посмотрела вниз и сквозь жёлто-зелёную дымку усталости увидела белоснежную кошку, величественную, как герцогиня. Это была Эй, кошка матушки Ветровоск, Тиффани узнала её с первого взгляда, ведь она сама когда-то подарила матушке котёнка. К её ужасу, одна из тётушек попыталась выгнать Эй.

– Дамы, это кошка матушки Ветровоск, – строго сказала Тиффани. – Возможно, не стоит злить самую главную ведьму.

Толпа разом отпрянула. Даже здесь, на Меловых холмах, имя матушки Ветровоск внушало страх. Матушкина слава разлетелась по миру далеко, куда дальше, чем когда-либо летала сама матушка. Гномы на равнине Сто звали её К'ез'рек д'б'дуз, что означало «Эту Горю Лучше Обходить Стороной».

А Тиффани, снова покрывшись потом, гадала, как Эй оказалась здесь, в холмах. Кошка обычно не отходила далеко от матушкиного дома в Ланкре, не говоря уже о том, чтобы спускаться до самых Меловых холмов. Конечно, ведьмы во всём видят знамения. Выходит, появление кошки – знак? Может, это как-то связано с тем, о чём говорила Джинни? Помимо прочего, Тиффани в который уже раз удивилась, как это кошки умудряются так перемещаться: только что были в одном месте – и почти в то же самое мгновение появляются совсем в другом?¹⁷

Роженица закричала от боли, и Тиффани, взяв себя в руки, снова повернулась к ней. Ведьма делает ту работу, которую надо сделать здесь и сейчас. А здесь и сейчас перед Тиффани была молодая мать и маленькая головка, уже показавшаяся на свет.

– Ещё разок осталось поднатужиться, давай, Милли! У тебя тройня.

Милли застонала.

¹⁷ Тиффани об этом не знала, но один молодой эфебский естествоиспытатель, наделённый от природы весьма живым умом, тоже ломал себе голову над этой загадкой. Однажды утром его – ну, большую его часть – обнаружили в окружении множества мурчащих и вполне сытых котов и кошек. Продолжить его эксперименты никто так и не отважился... один молодой эфебский естествоиспытатель, наделённый от природы весьма живым умом, тоже ломал себе голову над этой загадкой... // Этот естествоиспытатель, вероятно сам того не подозревая, попытался воспроизвести на практике (с поправкой на науку Плоского мира) мысленный эксперимент известного физика Круглого мира Эрвина Шрёдингера. Вот как Терри Пратчетт описывает этот классический эксперимент, лежащий в основе квантовой теории, в книге «Кот без прикрас»: // Берётся ящик, туда засовывается кот и склянка с ядом – кстати, многие на этом бы и остановились. Потом добавляется в тот же ящик небольшой механизм, который то ли разобьёт склянку, то ли нет, в зависимости от какой-то там ядерной ерундовины, которую испускает радиоактивное вещество. Оно тут же, в ящике. Большой такой ящик берётся. Так вот, согласно квантовой теории, кот в ящике получается одновременно и волной и частицей... то есть нет. Нет, из-за всех этих квантов он получается ни жив ни мёртв, а наоборот: жив и одновременно мёртв. И так до тех пор, пока наблюдатель не приподнимет крышку, чтобы заглянуть в ящик. // Далее в этой книге автор утверждает, что и в нашем мире была попытка поставить такой опыт, в результате чего кошки обрели способность проникать повсюду и исчезать откуда угодно, а также весьма вольно обходиться с такой тонкой материей, как время: // Разумеется, они (учёные) упустили из виду кое-что очень важное: хотя экспериментатор не знал, что происходит в ящике, кот-то знал это чертовски хорошо. Считается, что близкая перспектива виселицы окрыляет разум. Как же его тогда окрыляют смутные подозрения о том, как этот вот тип в белом халате через минуту поднимет крышку и обнаружит, что ты давно уже мёртв! Подстёгиваемый этими подозрениями (а также, возможно, квантами, что так и скажут по лаборатории), кот сиганул за угол пространственно-временного континуума – и спустя какое-то время его, порядком ошалевшего, обнаружили в чулане. // Это умение оказалось очень полезным преимуществом в ходе естественного отбора, так что в наше время уже почти все коты – шрёдингеровские. И ничего удивительного, если ваш кот исчезает из запертой квартиры, а потом как ни в чём ни бывало обнаруживается у холодильника.

– Ну вот! Какая кроха! – весело сказала Тиффани, когда ребёнок родился на свет живым и здоровым.

Это была девочка, маленькая и довольно-таки хорошенькая для новорождённой. Тиффани вручила ребёнка очередной родственнице, и окружающий мир обрёл свои привычные очертания.

Обмывая роженицу и прибирая окровавленные простыни, Тиффани заметила (привычка всё замечать – вторая натура всякой ведьмы), что братцам достаётся гораздо больше сюсюканья, чем сестрёнке. Всегда полезно вовремя обращать внимание на такие детали и откладывать их в память на будущее, чтобы маленькая неприятность однажды вдруг не обернулась большой бедой.

Дамы усадили молодую мать в семейное скрипучее кресло, чтобы она могла принять поздравления ото всех многочисленных тётушек. Не забывали они и бурно поздравлять друг дружку, с умным видом вспоминая тот или иной мудрый совет, который был, видать, и правда хорош, потому что вы только посмотрите, что получилось! Два крепких, здоровых мальчугана! Ах да, и маленькая девочка.

Родственницы откупили бутылки и послали кого-то из старших братьев и сестёр роженицы за отцом семейства, который работал на ячменном поле вместе со *своим* отцом. Мать семейства сияла от радости, особенно потому, что юная Милли в скором времени станет госпожой Робинсон. Ведь она, мать семейства, всё устроила и уж позаботилась, чтобы молодой Робинсон повёл себя с её девочкой как положено. Дети, родившиеся до свадьбы, тут никого не пугали. В деревнях парни знакомились с девушками, вот как Милли познакомилась со своим дружком на Страшество, а потом природа брала своё, и так оно и продолжалось, пока мать девушки не замечала, что та слишком уж округлилась. Тогда мать говорила с отцом, а тот за кружкой пива по-дружески говорил с отцом парня, а тот говорил со своим сыном. И обычно всё улаживалось.

Тиффани подошла к старушке, которая держала на руках новорождённую, и попросила:

– Простите, можно мне ещё разок взглянуть на неё? Просто хочу убедиться, ну, что с ней всё хорошо.

Беззубая старушенция без пререканий вручила малышку Тиффани. В конце концов, Тиффани ведь была не только повитухой, но и ведьмой, а с ведьмами лучше не связываться, от греха-то подальше. И когда старушка отошла за своей порцией праздничной выпивки, Тиффани взяла кроху на руки и прошептала ей на ушко обещание – тихо-тихо, чтобы никто больше не слышал. Этой малышке предстоит непростая жизнь, так что хорошо бы, чтобы удача её не оставляла. И если повезёт, удача не оставит. Тиффани вручила девочку матери, которая явно не испытывала особого восторга при виде дочки.

Тут Тиффани заметила, что мальчикам уже дали имена, а девочку назвать никто и не подумал. Это её встревожило.

– А как же девочка? – спросила Тиффани. – Разве не пора дать имя и ей?

Мать подняла на неё глаза:

– Назовём её в твою честь. Тиффани – хорошее имя.

Это польстило Тиффани, но тревоги не развеяло. Она понимала: большие, крепкие мальчишки будут выпивать почти всё молоко, девочке может ничего не достаться. Ну уж нет, Тиффани позаботится, чтобы такого не случилось. И она решила навещать эту семью хотя бы раз в неделю. По крайней мере, первое время.

Теперь ей оставалось только сказать:

– Ну что ж, всё хорошо, вы знаете, где меня найти, я загляну на будущей неделе! А сейчас, дамы, если вы не против, мне ещё надо проведать другие дома.

Она продолжала любезно улыбаться, пока не вышла из дома. Там Тиффани взяла метлу, собираясь лететь. И тогда маленькая белая кошка запрыгнула на ручку и застыла на ней, словно изваяние на носу корабля. «Мир меняется, – подумала Тиффани. – Я чувствую, он меняется».

За маслобойкой мелькнул рыжий сполох – верный признак, что поблизости шныряет Фигль-другой. Тиффани, пусть всего несколько дней, была кельдой клана Нак-мак-Фиглей, и за это время между ними возникли нерушимые узы. Фигли всегда были рядом, всегда приглядывали за ней, следили, чтобы никто не причинил зла их мал-мал громаздой карге.

Но сегодня что-то было не так. Как-то они неправильно шныряли, не так, как обычно шныряют Фигли...

– Ой-ёй-ёй, – услышала Тиффани и узнала голос Тупа Вулли, Фигля, который куда-то отлучился, когда остальным раздавали положенное количество мозгов – и без того невеликое, прямо скажем.

Причитания резко перешли в «Мвфф!», когда Явор Заядло зажал брату рот.

– Заткни пасть, Вулли, – велел он. – Тут дело карговское.

Явор Заядло вышел вперёд и встал перед Тиффани, шаркая ногами и вертя в руках свой шлем из кроличьего черепа.

– Эт' всекарга, – объяснил он. – Джинни заслала меня по-за тобой...

Все птицы дневные, все летучие мыши и совы, охотящиеся в ночи, знали Тиффани Болен и держались подальше от неё, когда она спешила. Метла вспарывала воздух, направляясь напрямиком в Ланкр. Лететь от Меловых холмов до маленького горного королевства было долго, а в голове Тиффани клубился густой серый туман, словно в мире не осталось ничего, кроме горя. Она ловила себя на том, что пытается повернуть время вспять, но даже самой лучшей ведьме это не под силу. Она старалась ни о чём не думать, но старайся не старайся, мысли продолжают течь сами по себе. Тиффани была ведьмой, а ведьмы знают цену дурным предчувствиям, даже если надеются, что всё обойдётся.

Уже смеркалось, когда она мягко опустилась возле домика матушки и сразу узнала округлый силуэт нянюшки Ягг у двери. В руке старой ведьмы была большая кружка, на лице застыло мрачное выражение.

Кошечка Эй тут же спрыгнула с метлы и побежала к домику, Фигли последовали за ней. Кошечка припустила чуть быстрее, так, как это умеют только кошки, не теряя достоинства и притворяясь, будто это ей просто захотелось побежать резвее, а маленькие рыжие человечки, растворившиеся в тенях дома, тут вовсе ни при чём.

– Привет, Тифф. Молодец, что прилетела, – сказала нянюшка Ягг.

– Она умерла, да? – спросила Тиффани.

– Да, – кивнула нянюшка. – Эсме не стало. Прошлой ночью, во сне, судя по всему.

– Я знала, – проговорила Тиффани. – Её кошка пришла, чтобы сказать мне. А кельда прислала Явора...

Нянюшка посмотрела ей прямо в глаза:

– Правильно, что ты не плачешь, милая. Оставим слёзы на потом. Ты ведь знаешь матушку, она терпеть не могла всякой суеты и криков, а слёз и подавно. Сначала надо дело сделать. Поможешь мне? Она там, наверху, – ох уж эти лестницы...

Тиффани посмотрела и увидела под лестницей ивовую корзину, сплетённую матушкой Ветровоск. Корзина была сделана в точности по росту матушки. За вычетом шляпы, конечно.

Нянюшка вздохнула:

– Да уж, Эсме – она такая. Сама, всё сама...

Домик матушки, казалось, весь состоял из скрипов, можно было даже изобразить мелодию, заставляя скрипеть разные его части. Под многоголосый хор досок Тиффани вслед за нянюшкой Ягг стала подниматься наверх. Нянюшка пыхтела и отдувалась, карабкаясь по изви-

вающейся змейй лестнице, – она всегда говорила, что эту лестницу без штопора не одолеть. Наконец они очутились наверху, в спальне, у смертного ложа, маленького и скорбного.

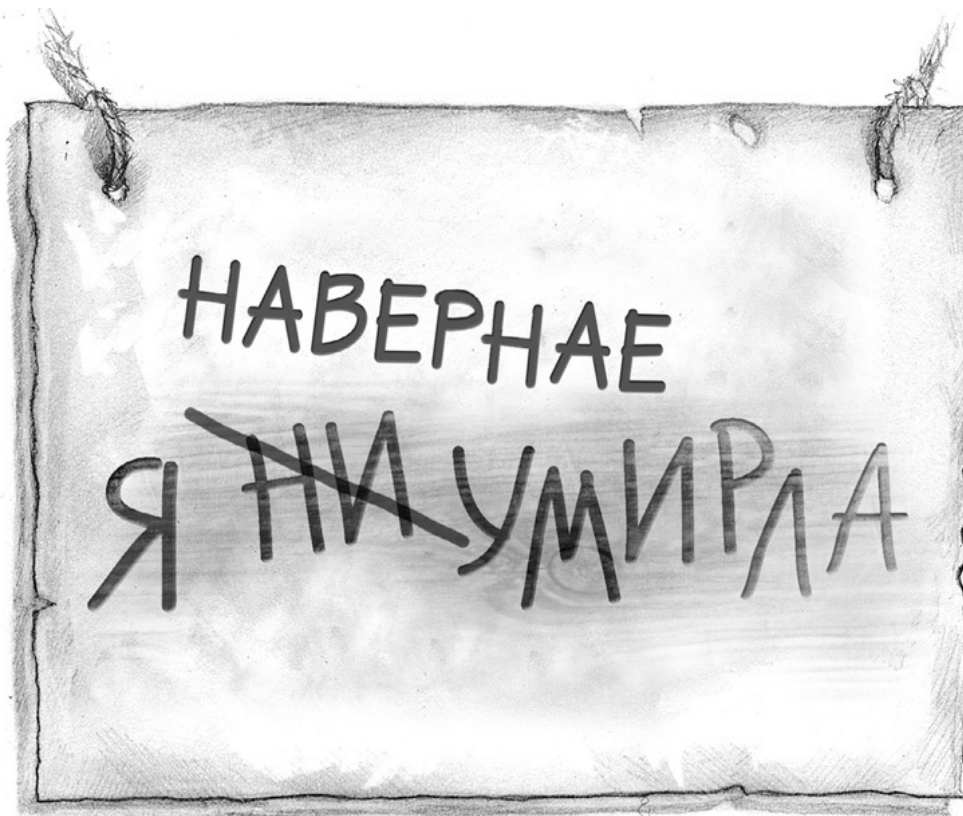
Кровать почти что детская, подумалось Тиффани. На постели лежала матушка Ветровск, и казалось, что она просто спит, хотя лежала она так, словно покойник в гробу. А подле хозяйки устроилась кошка Эй.

А потом Тиффани заметила на сундуке у кровати давно знакомую им картонку, и надежда зазвенела в её сердце, будто гонг.

– Нянюшка, а может, матушка, просто отправилась Заимствовать? Может, тело её здесь, а сама она... где-то ещё? – Она посмотрела на маленькую белую кошку и добавила: – Эй, вот в ком она может быть!

Матушка мастерски умела Заимствовать – погружаться в разумы других существ, летать и бегать вместе с ними, смотреть их глазами, слышать их ушами¹⁸. В этом с ней никто не мог сравниться. Заимствование – опасное волшебство, неопытная ведьма легко может забыть себя, слишком глубоко погрузившись в чужой разум, и уже никогда не вернуться. И конечно, пока ведьма странствует вдали от своего тела, кто-то может неправильно понять её отсутствие...

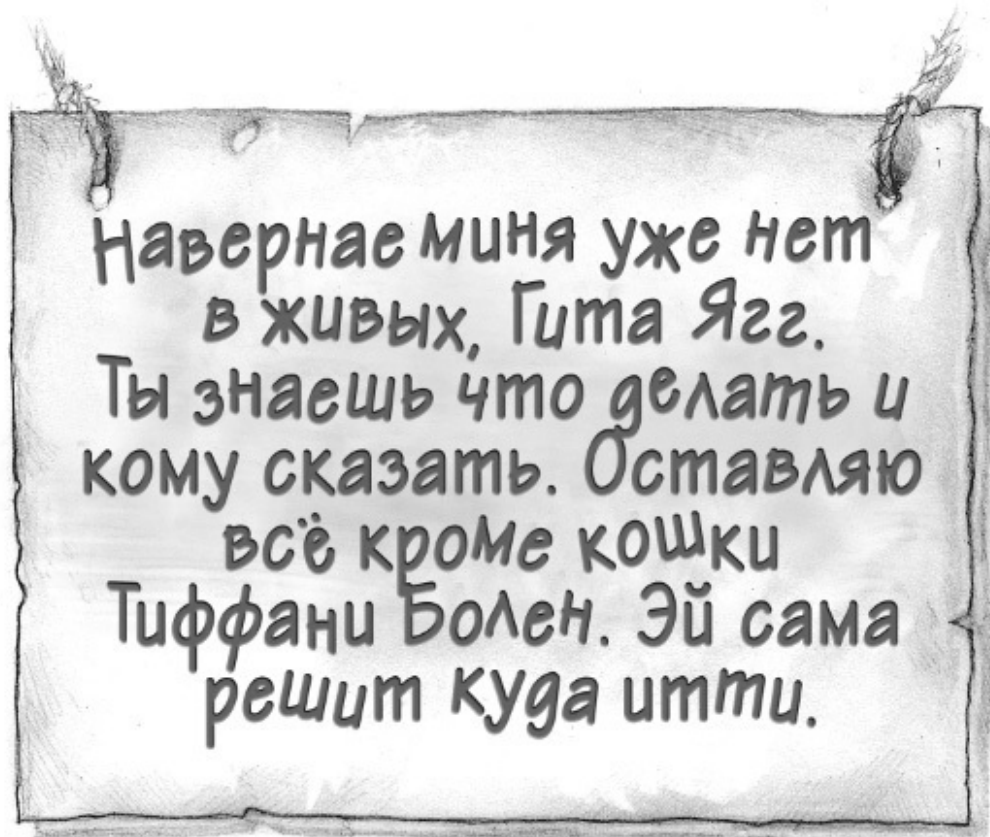
Нянюшка молча взяла в руки картонку, лежавшую на сундуке. Они с Тиффани прочли:

Нянюшка перевернула картонку – посмотреть, нет ли чего на другой стороне, а Тиффани тем временем присела на корточки, чтобы пощупать пульс на матушкином запястье. И хотя всё её ведьмовское чутьё утверждало, что матушки больше нет, маленькая девочка в глубине души Тиффани отчаянно надеялась уловить хотя бы легчайшее биение жизни.

Однако на обратной стороне картонки обнаружили неровно написанные слова, которые вплели последний прут в ивовую корзину под лестницей:

¹⁸ И есть их еду. Просто удивительно, какой мерзкий вкус остаётся во рту после того, как целую ночь проведёшь совой, закусывая полёвками.

– Уже не «наверное», – тихонько сказала Тиффани. А потом до неё дошёл смысл того, о чём говорилось в записке дальше, и в голове будто бомба взорвалась. – Что?! Что значит «оставляю всё Тиффани»? – Она поймала взгляд нянюшки и осеклась. Дыхание перехватило.

– Да, – сказала нянюшка. – Почерк матушкин, это точно. По мне, так оно неплохо. Тебе переходит домик и земля вокруг, травы, пчёлы и всё остальное. Ах да, она всегда обещала оставить мне розовый кувшин и тазик для умывания. – Она посмотрела на Тиффани и спросила: – Ты не против, надеюсь?

«Против? – пронеслось в голове Тиффани. – Нянюшка спрашивает у *меня*, не против ли я?» Потом в голову ей пришла, нет, скорее ввалилась с грохотом следующая мысль: «Два удела? То есть мне теперь не обязательно будет жить у родителей... Но ведь придётся постоянно мотаться туда-сюда...» И наконец самое главное обрушилось на неё, словно удар молнии: «Да как я вообще могу пойти по стопам матушки Ветровоск?! Она же совершенно... она была совершенно... непреемственной! Никто не может стать её преемником, вот!»

Нянюшка Ягг не была бы мудрой и уважаемой старой ведьмой, если бы за свою жизнь кое-чему не научилась.

– Не спеши на уши становиться, Тифф, – сказала она добродушно. – Этим ты делу не поможешь, только мозоли натрёшь. Потом ещё будет полно времени, чтобы обо всём поговорить. А пока надо дело сделать...

Тиффани и матушке Ягг не впервой было заниматься похоронами. В Овцепикских горах на плечи ведьм ложатся все заботы о том, чтобы покойник отправился в иной мир в подобающем виде. Это означает кое-какую не самую чистую работу, о которой не принято говорить, и другие вещи, не столь важные, – например, открыть окно, чтобы душа умершего могла поки-

нуть дом. Матушка открыла окно заранее, хотя Тиффани подумалось, что уж её-то душе никакое стекло и вообще ничто на свете не стало бы преградой.

Нянюшка Ягг взяла две монетки по пенни со столика у кровати и сказала:

– Она оставила их для нас. Эсме никогда ничего не упускала, до самого последнего вдоха. Ну что, начнём?

К сожалению, нянюшка принесла из кладовки бутылку матушкиного яблочного бренди тройной перегонки. Вообще-то его положено было использовать только как лекарство, но нянюшка сказала, что бренди поможет ей отдать последний долг их сестре-ведьме. И хотя они обращались с матушкиным телом, словно с величайшей драгоценностью, выпитый нянюшкой бренди не слишком-то облегчал дело.

– Она хорошо выглядит, да? – сказала нянюшка после того, как со всеми неприятными делами оказалось покончено (удачно вышло, что у матушки были целы все зубы). – Ох-хо-хо... Я всегда думала, что помру первой, из-за выпивки и всего такого. Особенно из-за всего такого, я ведь такого много вытворяла...

На самом деле нянюшка чего только не вытворяла и была известна как особа столь широких взглядов, что непонятно, как они вообще в ней помещались.

– А похороны будут? И поминки? – спросила Тиффани.

– Ну, ты же знаешь Эсме. Она была не из тех, кто любит привлекать к себе внимание¹⁹. Мы, ведьмы, всякие церемонии не особенно-то уважаем. Матушка всегда говорила, что это всё суета на ровном месте.

Тиффани вспомнились единственные ведьминские поминки, в которых ей довелось участвовать. Покойная госпожа Вероломна как раз предпочла сделать из них событие погромче. Она и сама не собиралась его пропускать, а потому устроила поминки заранее, до своей смерти. Получилось... незабываемо.

Они уложили матушку обратно на кровать – точнее, на то, что матушка звала кроватью, – и нянюшка сказала:

– Надо бы послать весточку королеве Маграт. Она сейчас с королём в Орлее, но примчится быстро, помяни моё слово, сейчас ведь есть эти поезда и всё такое. Все прочие, кому надо знать, уже наверняка и так знают. Но прежде чем все они сюда явятся, мы с тобой завтра утром похороним Эсме так, как она сама хотела, без шума и суеты, в ивовой корзине, которая ждёт там, под лестницей. «Эти ивовые корзины ничего не стоят и делаются быстро», – всегда говорила она. Ты же знаешь, какая Эсме была бережливая – терпеть не могла, чтобы лишнее тратилось.

Тиффани провела ночь на низенькой и узкой кровати, которая, когда была не нужна, задвигалась под обычную кровать. Нянюшка устроилась внизу, в кресле-качалке, жалобно скрипевшем всякий раз, стоило ей откинуться на спинку. Свет луны пробирался в окошко матушкиной комнаты. Тиффани не спала. Она несколько раз задрёмывала, но тут же просыпалась и видела Эй – кошка устроилась в ногах матушки Ветровоск, свернувшись калачиком, словно маленькая белая луна.

Конечно, Тиффани уже доводилось бдеть над покойниками – традиция требовала не оставлять отлетевшую душу в одиночестве в ночь перед поминками или похоронами. Возможно, предполагалось, что эти люди дают понять всем, кто... таится во тьме: этого человека помнят, его не бросают одного на произвол злых сил теперь, когда он так уязвим. Комнату наполняли потрескивания остывающего дома, и Тиффани, лёжа без сна, слышала и тихие звуки, которые начало издавать коченеющее тело матушки. «Я уже не раз делала это прежде, – повторяла себе Тиффани. – Это часть нашей работы. Мы не говорим о ней, но мы её делаем.

¹⁹ Ей этого и не требовалось. Матушка нигде не оставалась незамеченной, и любая толпа расступалась перед ней, как море перед носом большого корабля.

Мы присматриваем за мёртвыми, чтобы никто и ничто не причинило им вреда во мраке ночи». Хотя, как говаривала нянюшка, возможно, на самом деле присматривать нужно не за мёртвыми, а за живыми – ведь, чтобы там люди ни думали, мёртвые на самом деле безобидны.

«Что мне теперь делать? – думала Тиффани. – Что будет завтра? Мир перевернулся вверх тормашками. Мне ни за что не стать той, кто сумел бы заменить матушку Ветровоск. Никогда, даже за сотню лет». А потом: «А что ответила юная Эсмеральда, когда нянюшка Грапис сказала ей, что её удел – весь мир?»

Тиффани ворочалась и ёрзала в кровати. Потом открыла глаза и увидела, что на подоконнике сидит сова и смотрит на неё. Огромные совиные глаза светились в темноте, словно маяки, указывающие путь в иной мир. Ещё одно знамение? Матушка любила сов...

Задний Ум Тиффани уже проснулся и принялся размышлять о её размышлениях: «Нельзя взять и сказать, что ты слишком мало умеешь, что ты недостаточно хороша, чтобы занять место матушки. Тебе же говорили: настоящая ведьма никогда такого не скажет. Ну, то есть ты ведь сама знаешь, что на многое способна. А старшие ведьмы знают, что однажды ты прогнала Королеву эльфов, и они видели, как ты провела роителя сквозь последние врата. И как ты вернулась оттуда, они тоже видели».

«Но достаточно ли этого? – перебил Передний Ум, он же Здравый Смысл. – После... после того как мы сделаем то, что необходимо, я могу просто надеть панталоны номер два и полететь домой. Мне в любом случае придётся лететь, даже если я приму удел. Надо сказать родителям. И мне понадобится помощь на Меловых холмах. Я же с ума сойду, если придётся постоянно быть и там, и тут. Я-то не кошка...»

При этой мысли Тиффани опустила глаза и встретила взглядом с Эй. Кошка смотрела на неё, да не просто смотрела, а прямо-таки сверлила взглядом, как умеют только кошки. И Тиффани показалось, что она хочет сказать: «Не ленись, ещё так много нужно сделать. Не думай о себе. Думай обо всех».

Новость о смерти матушки Ветровоск понеслась по миру в стрёкоте клик-башен, и все встречали её по-разному.

Госпожа Увёртка²⁰ работала в кабинете своего роскошного дома над новой книгой, «Цветочная магия», когда внезапно ощутила: что-то не так, весь мир пошёл наперекосяк. Она нацепила на лицо подобающее выражение скорби и отправилась поделиться новостью со своим мужем, пожилым волшебником, старательно скрывая радость: теперь она, Летиция Увёртка, станет одной из самых могущественных ведьм в Ланкре. Может быть, удастся устроить так, чтобы освободившийся домик в лесу заняла её последняя ученица. Лицо госпожи Увёртки, и без того отличавшееся резкостью, заострилось ещё больше, когда она представила, какой прелестный ореол *магии* она сможет придать домику при помощи нескольких сетей-оберегов, амулетов, рунических символов, серебряных звёзд, гардин из чёрного бархата и – о да, разумеется, хрустального шара, без него никак.

Госпожа Увёртка позвала новую ученицу и велела принести ей плащ с капюшоном и метлу, а сама тем временем натянула свою лучшую пару чёрных кружевных перчаток, с магическими символами, вышитыми серебряной нитью на кончиках пальцев. Госпожа Увёртка собиралась Явиться Во Всём Блеске...

В «Магазине полезных мелочей и увеселительных товаров Боффо», расположенном в Анк-Морпорке на 10-й Яичной улице, дом 4 (*Всё, что нужно, чтобы стать зловещей каргой за минуту!*), госпожа Пруст вздохнула: «Какое горе, но ведь старушка и так царила очень долго...»

²⁰ Произносится «Уви-ортка».

Все знают, что среди ведьм нет главных, но матушка Ветровоск была лучшей главной ведьмой, которой у них не было. Так что теперь должна объявиться другая, та, кто займёт её место и будет их направлять. И присматривать за теми, у кого обнаружится склонность зловеще гоготать, хихикать и побрякивать.

Госпожа Пруст отложила крякалку, которую перед этим взяла с витрины «Выбери своё хихиканье» и повернулась к сыну, Дереку.

– Без споров тут не обойдётся, не будь я Евника Пруст. Но удел наверняка перейдёт к Тиффани Болен. Мы все видели, на что она способна. Ох, мы такое видели!

А мысленно она добавила: «Возьми его, Тиффани, пока никто другой не взял».

А во дворце секретарь Стукпостук спешил доставить свежий номер «Правды» в Продолговатый кабинет – патриций Витинари ждал свой кроссворд.

И патриций уже знал все важные новости.

– Я предвижу некоторые затруднения, а именно, разногласия на женской половине, так сказать. – Он вздохнул. – Что думаешь, Стукпостук? Кого вынесет на поверхность этого бурлящего котла? – Он в задумчивости побарабанил пальцами по набалдашнику эбеновой трости.

– Ваше сиятельство, – отозвался секретарь, – судя по слухам, которые курсируют по клик-башням, всё идёт к тому, что это будет Тиффани Болен. Весьма юная девушка.

– Юная, да... Знающая? – спросил Витинари.

– Думаю, да, сэр.

– А как же некая Летиция Увёртка?

Стукпостук презрительно поморщился:

– Белоручка, ваше сиятельство, работает исключительно на публику. Очень много украшений и чёрных кружев – вам наверняка знаком этот тип. С хорошими связями, но и только.

– Ах да, теперь припоминаю, я её как-то видел. Нахальная и самовлюблённая. Из тех, кто ходит на закрытые вечера.

– Но вы тоже на них ходите, ваше сиятельство.

– Да, но я – тиран и деспот, так что это, увы, моя прямая обязанность. Скажи-ка, а эта девушка, Болен, – что нам ещё о ней известно? Помнится, когда она в прошлый раз навещала наш город, произошла какая-то неприятная история?

– Ваше сиятельство, дело в том, что к ней испытывают большую привязанность Нак-мак-Фигли, да и сама она к ним привязана. Они считают своим долгом сопровождать её в качестве почётного караула.

– Стукпостук.

– Да, ваше сиятельство?

– Я вынужден прибегнуть к слову, которого никогда раньше не употреблял. Раскудрить! Только Нак-мак-Фиглей нам тут не хватало! Для города это было бы слишком накладно.

– Маловероятно, ваше сиятельство. Я хочу сказать, госпожа Болен держит Нак-мак-Фиглей в строгости, и маловероятно, что она допустит повторения давешних неприятных событий. Кроме того, никакого долговременного ущерба в итоге нанесено не было.

– А разве «Королевская голова» не превратилась в «Королевский затылок»?²¹

– Вы правы, ваше сиятельство, однако эта перемена со временем многим пришлась по душе, особенно владельцу. Он до сих пор делает немалые деньги на туристах. Его заведение попало в путеводители.

²¹ Единственный случай, когда Фигли заново отстроили паб, который разнесли по кирпичику после того, как выпили там всё, что горит и льётся. Правда, восстановленный паб оказался развёрнут задом наперёд. А на упомянутом королевском затылке обнаружился здоровенный чирей.

– Если эту Тиффани Болен поддерживают Нак-мак-Фигли, она представляет собой силу, с которой приходится считаться, – задумчиво произнёс Витинари.

– У девушки также репутация сообразительной, благоразумной особы, готовой протянуть руку помощи.

– И при этом её общество можно выносить? Жаль, этого нельзя сказать о госпоже Увёртке. Хмм, – протянул патриций. – Надо будет уделять особое внимание действиям этой молодой особы.

Наверн Чудакулли, аркканцлер Незримого Университета, устался в стену своей спальни и снова заплакал. Наконец он взял себя в руки и послал за Думмингом Тупсом, своим первым волшебным заместителем.

– Клик-башни подтвердили то, что сказал Гекс, – печально сообщил Чудакулли. – Ведьма Эсме Ветровоск из Ланкра, известная как матушка Ветровоск, скончалась. – Вид у аркканцлера был несколько смущённый. На коленях у него лежала пачка писем, которые он перебирал снова и снова. – Видишь ли, когда мы были молоды, у нас был роман. Но она хотела стать лучшей в мире ведьмой, а я надеялся когда-нибудь стать аркканцлером. И, к несчастью, наши мечты сбылись²².

– О боги! Мне внести изменения в ваше расписание, чтоб вы могли поехать на похороны, сэръ? Ведь будут же похороны, наверное...

– Господин Тупс, к чёрту расписание. Я отправляюсь сейчас. Немедленно.

– Со всем уважением, аркканцлер, вы обещали встретиться с Гильдией Счетоводов и Ростовщиков.

– К чёрту этих крохоборов! Скажи им, что у меня возникло срочное дело по части международных связей.

Тупс растерялся:

– Но это же не совсем правда, аркканцлер?

– Ещё какая правда! – отрезал Чудакулли.

Правила существовали для других людей. Не для него. И, внезапно понял аркканцлер, ощутив новый приступ боли, не для Эсме Ветровоск.

– Как долго ты вообще работаешь в университете, молодой человек? – обрушился он на Тупса. – Замалчивать правду – наша профессия! А теперь я пойду и разыщу свою метлу. Оставляю здесь всё в твоих надёжных руках, господин Тупс.

А в том, другом мире, который цеплялся за Диск, словно клещ-кровосос, запустив свои крючья в камни-порталы, один эльф вынашивал планы. Плёл заговор, чтобы свергнуть Королеву, которая так и не восстановила в полной мере свою силу с тех пор, как потерпела унижительное поражение от рук маленькой девочки по имени Тиффани Болен. Этот эльф задумал захватить власть над Волшебной страной и прорваться сквозь заслон камней, ведь защитный барьер сделался тонок, как паутинка, – по крайней мере, на время. Могущественная старая ведьма больше не стояла у них на пути. Некому было защитить обитателей Плоского мира.

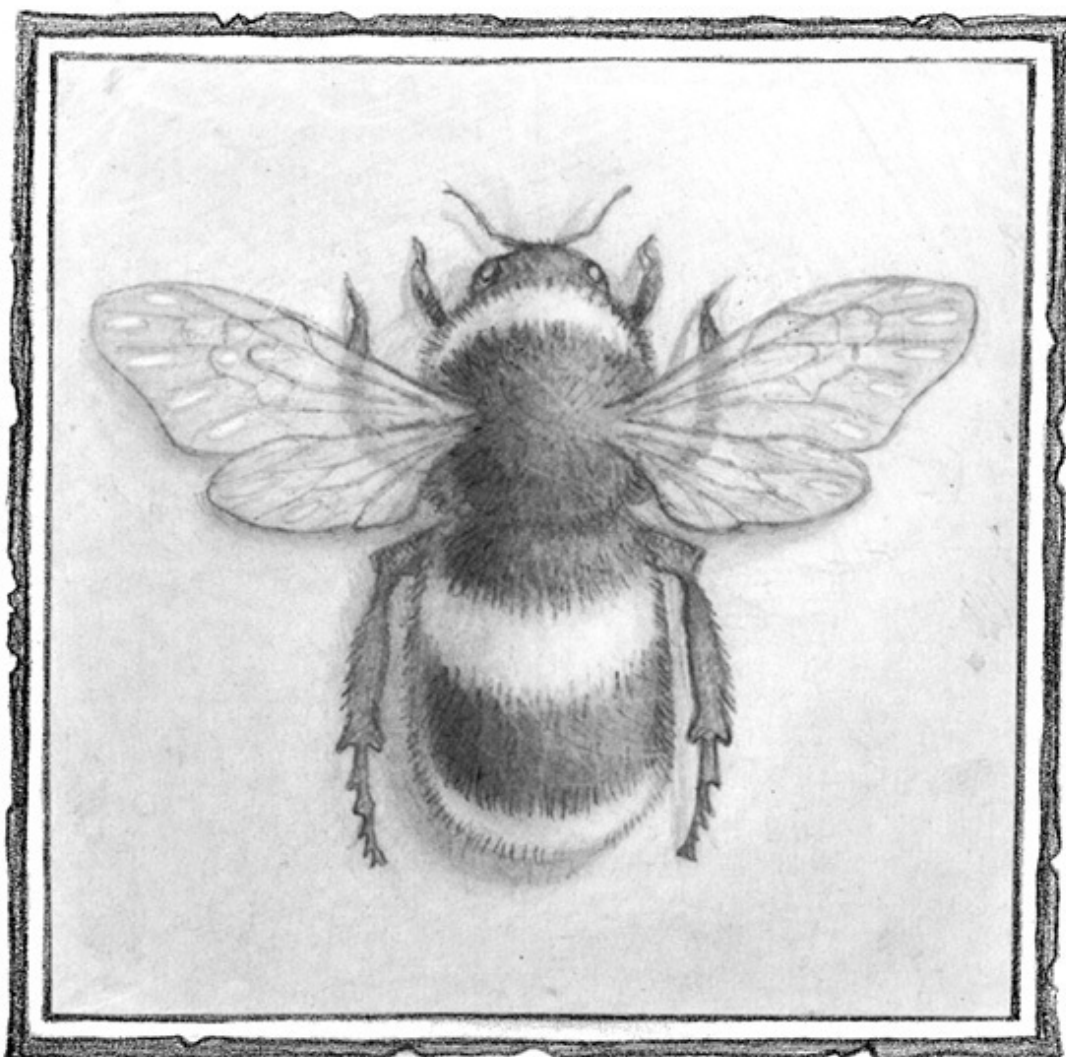
Глаза Душистого Горошка сверкали, перед его внутренним взором вставали чудесные картины: беспомощные жертвы, над которыми можно всласть издеваться, тучные земли, где эльфы смогут забавляться с новыми игрушками...

И когда нужный момент настал...

²² Это доказывает, что когда мечты сбываются – это не всегда к лучшему. Некоторым мечтам лучше бы не сбываться. Можно ходить в хрустальном башмачке, но сделает ли это вашу жизнь комфортнее? А если всё, к чему вы прикасаетесь, начнёт превращаться в мармелад, разве мир вокруг не станет несколько... липким?

Глава 4. В добрый путь – и добро пожаловать

Спустить утром тело матушки Ветровоск по узкой винтовой лестнице в тесном домике оказалось делом нелёгким, и от того, что нянюшка спешно осушила кувшин сидра, легче оно не стало. Но они каким-то образом сумели сделать это, не уронив свою ношу.

Когда они бережно уложили тело в ивовую корзину, Тиффани отправилась в сарай за тачкой и лопатами, а нянюшка тем временем немного отдышалась. Вместе они погрузили корзину в тачку, пристроив лопаты по обе стороны от неё.

Тиффани взялась за ручки, чтобы катить тачку.

– Ты и твоя ватага останутся здесь, Явор, – сказала она Фиглю, когда он и его воины появились из многочисленных укрытий и выстроились перед ней. – Это дело карговское. Вам нельзя мне помогать.

Явор Заядло, шаркая, переступил с ноги на ногу.

– Но ты ж наша карга, и Джинни ж... – начал он.

– Явор Заядло. – Тиффани взглядом пригвоздила его к месту. – Ты помнюешь всекаргу? Неужто ты хочешь, чтобы её тень являлась вам и... до скончания века указывала, что вам делать?

Фигли хором застонали в ужасе, Туп Вулли так и вовсе разрыдался и попятился.

– Тогда зарубите себе на носу: с этим делом мы, карги, должны сами управиться. – Тиффани повернулась к нянюшке Ягг: – Куда мы пойдём, нянюшка?

– Эсме отметила место в лесу, Тифф. То, где она хотела уйти в землю. Идём, я покажу, – ответила та.

Лес начинался сразу за садом матушки Ветровоск, но Тиффани пошла вслед за нянюшкой в самую глубину чащи, где в землю была воткнута палка, перевязанная красной лентой. Путь показался ей очень долгим. Нянюшка подала Тиффани лопату, и они взялись за работу. Утренний воздух дышал холодом. Копать землю – нелёгкая работа, но матушка выбрала место с умом, почва здесь была мягкой и рыхлой.

Наконец дело было сделано – большей частью, надо сказать, усилиями Тиффани. Нянюшка, мокрая как мышь (по её собственному выражению), тяжело оперлась на лопату и сделала большой глоток из своей фляжки, Тиффани подкатила тачку поближе. Вдвоём они мягко опустили ивовую корзину с телом в яму, отступили на шаг и минуту просто молчали.

Не говоря ни слова, обе они торжественно поклонились могиле матушки, а потом снова взялись за лопаты, чтобы засыпать яму. Шурх-шарк, шурх-шарк – падали комья земли на ивовую корзину с телом, и вот уже на месте ямы вырос холмик, скрыв под собой тело матушки. Тиффани стояла и смотрела, как крупинки почвы осыпаются вниз, пока последняя частичка не замерла на своём месте.

Пока они выравнивали холмик лопатами, нянюшка рассказала Тиффани, что матушка не хотела, чтобы над ней была гробница или склеп и уж точно не хотела никаких надгробий.

– Камень всё-таки нужен, – возразила Тиффани. – Сами знаете – барсуки, мыши и прочие звери что угодно разроют. И пусть это всего лишь кости, а не сама матушка, мне бы вот не хотелось, чтобы кто-то раскопал тело до...

– До конца времён? – подсказала матушка. – Послушай, Тифф, Эсме велела сказать тебе так: если хочешь увидеть Эсмеральду Ветровоск, просто оглянись вокруг. Она здесь. Мы, ведьмы, недолго оплакиваем усопших. С нас довольно и радостных воспоминаний. Вот что нужно хранить и беречь.

Тиффани вдруг захлестнули воспоминания о матушке Болен. Бабушка Тиффани не была ведьмой – хотя матушка Ветровоск с большим интересом о ней расспрашивала, – но, когда она умерла, её старую пастушью кибитку сожгли, а тело положили в глубокую, аж шесть футов глубиной, яму, вырубленную в меловом теле холма. Потом яму зарыли, а сверху положили дёрн, который перед этим аккуратно сняли, и вскоре уже ничто не напоминало о могиле, кроме четырёх вросших в землю железных колёс кибитки. Но место это с тех пор стало священным, оно хранило память. И не только для Тиффани. Всякий пастух, проходя мимо, непременно поднимал глаза к небу и вспоминал матушку Болен. Матушку, которая ходила по холмам тёмными ночами, и свет её фонаря выписывал причудливые зигзаги. Матушку, одобрительный кивок которой в этих краях ценили дороже золота.

И это место в лесу, поняла Тиффани, станет таким же. Святой землёй. И день выдался хороший, если только может быть хороший день, чтобы умереть, или хороший день, чтобы навек уйти в землю.

Птицы уже пели высоко в кронах, ветер шуршал листвой в подлеске, лес наполняли звуки, в которых песни тех, кто ещё жив, сливались с душами ушедших. Лесной реквием.

Весь лес пел для матушки Ветровоск.

На глазах у Тиффани к могиле тихо подошёл лис, поклонился и отбежал в сторону, потому что объявилась дикая свинья со своим выводком. Пришёл барсук и остался, даже не взглянув на тех, кто пришёл раньше. Один за другим, к изумлению Тиффани, звери приходили к могиле и садились рядом, словно домашние питомцы.

«Где сейчас матушка Ветровоск? – подумала Тиффани. – Неужели часть её по-прежнему с нами?»

Что-то коснулось её плеча, и Тиффани подскочила от неожиданности, но это был просто упавший с дерева лист. И тогда в глубине её души прозвучал ответ на вопрос: «Где сейчас матушка?»

Ответ был: «Здесь – повсюду вокруг».

К удивлению Тиффани, нянюшка Ягг тихо всхлипнула. Потом отпила из фляжки и вытерла глаза.

– Поплакать иногда помогает, – сказала нянюшка. – Нет ничего плохого в том, чтоб всплакнуть о тех, кого любишь. Порой я вспоминаю кого-нибудь из своих мужей и тоже проливаю слезинку-другую. Воспоминания надо беречь, как сокровища, но нечего из-за них с ума сходить.

– А сколько всего у вас было мужей, нянюшка? – спросила Тиффани.

Нянюшка Ягг задумалась – похоже, погрузилась в подсчёты.

– Ну, моих-то собственных трое, – сказала она наконец, – а прочих мне и не сосчитать – пальцев не хватит.

Она уже улыбалась – возможно, вспоминала кого-то из особенно дорогих ей мужей. А когда вернулась из прошлого, то снова стала собой – улыбчивой неунывающей нянюшкой Ягг.

– Пойдём, Тифф, – сказала она. – Пора возвращаться в *твой* домик. Я всегда говорила: хорошие поминки сами собой не сделаются.

Пока они шли обратно через лес, Тиффани задала вопрос, который давно не давал ей покоя:

– И что будет дальше, как вы думаете?

Нянюшка посмотрела на неё:

– В каком это смысле?

– Ну, матушка, конечно, не была главной ведьмой... вот только почти все думали, что была...

– Главных ведьм не бывает, Тифф, уж это-то ты должна знать.

– Да, но... теперь, когда матушки больше нет, этой главной не главной ведьмой станете вы?

– Я? – Нянюшка расхохоталась. – Не-ет, милая, я неплохую жизнь прожила, ребятешек кучу вырастила, мужчин немало было, повеселилась от души, да и как ведьма много чему научилась. Но у меня никогда и мысли не было, чтобы занять место Эсме. Никогда.

– А кто тогда его займёт? Кто-то же должен!

Нянюшка Ягг посерьёзнала:

– Матушка никогда не говорила: я, мол, лучше всех. Она просто жила себе и работала так, чтоб люди сами это почувствовали. Помяни моё слово, скоро все самые уважаемые ведьмы соберутся, чтобы обсудить, кто теперь будет вместо неё, но я-то знаю, кого она бы назвала, да я и сама сказала бы то же самое. – Она остановилась и на минуту перестала улыбаться. – Тебя, Тифф. Эсме оставила тебе свой дом. Но не только его. Тебе придётся занять её место, иначе его попробует занять другая, не такая умелая.

– Но... я не могу! И среди ведьм не бывает главных, вы же сами это только что сказали, нянюшка!

– Да, – кивнула та. – И у тебя нет выбора, кроме как стать лучшей, разрази тебя гром, главной ведьмой, которой у нас нет. И нечего на меня так коситься, Тиффани Болен. Ты не старалась заслужить это, но ты заслужила, а коли не веришь мне, поверь Эсме Ветровоск. Она сказала мне, что ты – единственная ведьма, кому по силам продолжить её дело. Это было в ту ночь, когда ты бежала с зайчихой.

– Мне она ничего такого не говорила, – призналась Тиффани. Она вдруг почувствовала себя совсем маленькой девочкой.

– Ну, ещё б она тебе сказала, – усмехнулась нянюшка. – Это было бы не в характере Эсме, сама знаешь. Фыркнуть этак вот и пробурчать: «Неплохо, девочка» – вот и всё, что она могла. Она предпочитала, чтоб человек сам свою силу почувствовал, а твоя сила – это что-то, уж ты мне поверь.

– Но, нянюшка, вы же старше меня, опытнее, и знаете вы куда больше, чем я!

– И кое-что из того, что знаю, я б не прочь забыть, – сказала нянюшка.

– Мне слишком мало лет... – простонала Тиффани. – Да если бы я не стала ведьмой, я бы сейчас ещё о мальчиках думала!

Нянюшка Ягг прямо-таки напрыгнула на неё:

– Ничего тебе лет не мало! Годы тут вообще ни при чём. Матушка Ветровоск говорила мне, что это тебе, не кому-нибудь, придётся заботиться о будущем. А то, что ты молода, означает, что будущего у тебя ещё много. Уж всяко побольше, чем у меня, – добавила она.

– Но так ведь не принято! – сказала Тиффани. – Это должна быть одна из старших ведьм. По-другому не бывает!

И тут её Задний Ум вдруг вмешался и подкинул коварный вопрос: «А почему, собственно? Почему обязательно всё должно быть так, как было заведено раньше? Почему не изменить порядок вещей?» И что-то в глубине души Тиффани затрепетало, принимая вызов.

– Ха! – фыркнула нянюшка. – Ты танцевала с зайчихой, чтобы спасти жизни друзей, милая. Помнишь, ты тогда настолько... разозлилась, что подобрала кусок кремня с земли и раздавила его в кулаке, и он протёк у тебя между пальцев как вода? Все старшие ведьмы видели это и сняли перед тобой шляпы. Перед тобой! Шляпы! – И она тяжело потопала к дому, бросив напоследок: – И не забывай, Эй выбрала тебя. Это к тебе она заявила, когда Эсме нас оставила.

Эй была тут как тут: сидела на пеньке и прихорашивалась. Тиффани задумалась. Крепко задумалась...

Когда они подходили к домику, возле козьего сарая как раз пытался приземлиться взъерошенный, но очень большой волшебник на метле.

– Молодец, что прилетел, Наверн! – крикнула ему нянюшка через сад.

Волшебник оправил мантию, опасливо миновал грядки с травами и приветствовал ведьм, приподняв шляпу. Тиффани ехидно отметила про себя, что шляпа была снабжена завязками, чтобы с головы не сдуло.

– Знакомся, Тифф, это Наверн Чудакулли, аркканцлер Незримого Университета.

Тиффани до этого видела всего одного-двух волшебников, и те предпочитали полагаться на мантию, посох и шляпу в надежде, что им не придётся прибегать к настоящей магии. На первый взгляд Чудакулли был именно таким волшебником: борода, длинный посох с набалдашником, остроконечная шляпа... Погодите-ка, а что это торчит, притороченное к тулье? Арбалет? Ведьмовские привычки заставили Тиффани присмотреться к гостю внимательнее. Но Чудакулли вовсе не замечал её. Тиффани с изумлением поняла, что он плачет.

– Это правда, нянюшка? Она в самом деле умерла? – спросил он.

Нянюшка дала ему носовой платок и, пока волшебник трубно высмаркивался, шепнула Тиффани:

– Они с Эсме были, ну, знаешь, вроде как друзьями, по молодости-то. – И нянюшка многозначительно подмигнула.

Аркканцлер явно был убит горем. Нянюшка вручила ему свою фляжку:

– Моё знаменитое целебное зелье, твоё сиятельство. Принимать лучше одним глотком. Очень хорошо помогает от тоски-печали, поверь. Лично я, когда мне становится малость не по себе, хлещу его почём зря. Исключительно в лечебных целях, разумеется.

Аркканцлер сделал пару глотков, потом приподнял фляжку, словно произносил тост.

– За Эсме Ветровоск и будущие, которых уже не будет! – произнёс он сдавленным от горя голосом. – Если бы мы всё могли начать сначала! – Он снял шляпу, отвинтил кончик тульи и достал оттуда маленькую бутылку бренди и стаканчик. – Это тебе, госпожа Ягг, – пробасил он. – А теперь можно мне повидать её?

– Мы уже уложили её в землю там, где она сама хотела, – ответила нянюшка. – Знаешь же, как оно. Эсме не любила всяких церемоний. – Она посмотрела на волшебника и добавила: – Мне жаль, что так вышло, Наверн, но мы покажем тебе, где это. Тиффани, проводишь нас?

И вот самый уважаемый волшебник в мире почтительно последовал за нянюшкой и Тиффани через лес к последнему пристанищу самой важной в мире ведьмы. На деревьях вокруг небольшой поляны вовсю распевали птицы. Нянюшка и Тиффани остались ждать в стороне, чтобы волшебник мог побыть один у могилы.

Он вздохнул:

– Благодарю, госпожа Ягг, госпожа Болен.

Потом он повернулся к Тиффани и впервые посмотрел на неё внимательно:

– Дорогая, в память об Эсмеральде Ветровоск обещаю тебе, что всегда приду на помощь, если ты позовёшь. Я как-никак самый уважаемый волшебник в мире, а это что-нибудь да значит.

Он помолчал, потом добавил:

– Я слышал о тебе.

Тиффани ахнула, а аркканцлер продолжал:

– Но пусть это тебя не удивляет. Тебе следует знать, что мы, волшебники, присматриваем за делами ведьм. Мы знаем, когда в магии происходят возмущения, когда что-то... случается. Поэтому я слышал про кремень. Это правда? – Вопрос прозвучал грубовато и резко. Аркканцлер явно не привык ходить вокруг да около, а всегда пёр напрямик и иногда – поперёк.

– Да, – сказала Тиффани. – Всё правда.

– Надо же, – покачал головой Чудакулли. – Теперь я не сомневаюсь, что тебя ждёт, скажем так, весьма разношёрстное будущее. Я вижу в тебе признаки великой силы – а я повидал людей могущественных, таких могущественных, что им не требовалось даже проявлять свою силу. Твоя сила ещё совсем молода, и всё же я вижу, что ты далеко пойдёшь, и в изумлении жду твоих будущих свершений. – На лице его снова проступило горе, и он добавил: – А сейчас, дамы, не могли бы вы оставить меня наедине с моими чувствами? Уверен, я сам найду дорогу к домику.

Позже аркканцлер вернулся, оседлал метлу и полетел куда-то в сторону Анк-Морпорка. Метла его рыскала и покачивалась, когда он на прощанье помахал ведьмам, пролетая над лесом.

Нянюшка улыбнулась:

– Он же волшебник! Он может быть трезвым, когда ему надо, а если уж не смог, то сумеет справиться с метлой, несмотря на стаканчик-другой бренди. В конце концов, во что он может врезаться на такой-то высоте!

День разгорался, и всё больше и больше людей приходили к дому, чтобы отдать последние почести. Новости распространялись быстро, и чуть ли не все окрестные жители спешили с подношениями матушке Ветровоск. Ведьме, которая всегда помогала им, пусть даже они её никогда не любили. Эсме Ветровоск никому не пыталась понравиться. Она лишь делала то, что кто-то должен был сделать. Она приходила помочь в любое время дня и ночи, когда бы её ни позвали (а порой и когда не звали, что бывало весьма неудобно). И пока она жила по соседству, им было как-то... спокойнее. Они чувствовали себя в безопасности. И вот теперь они несли ветчину и сыр, молоко и соленья, варенье и пиво, хлеб и фрукты...

Потом со всех сторон к домику стали слетаться ведьмы, а ведьмы ничто так не уважают, как возможность немного перекусить задаром – Тиффани застучала одну старуху за попыткой

спрятать в панталонах целую курицу. И когда в дом потянулись ведьмы, деревенские жители стали расходиться. Как бы чего не вышло, когда вокруг так много ведьм. Лучше уж не рисковать. Кому ж хочется, чтобы его превратили в лягушку – кто тогда будет урожаем убирать, а? Один за другим они извинялись, ссылаясь на неотложные дела, и тихонько уходили, причём те, кто успел приложиться к знаменитым коктейлям нянюшки Ягг, – не слишком твёрдой походкой.

Никто из ведьм не получал приглашения, но Тиффани казалось, их притянуло к дому непреодолимой силой, как и аркканцлера. Даже госпожа Увёртка объявилась. Она прибыла в экипаже, запряжённом парой лошадей с чёрными плюмажами, на её руках звенели браслеты и талисманы – словно ударная секция оркестра в полном составе гроыхала с обрыва, – а на её шляпе сияли серебряные звёзды. За собой она волокла мужа. Тиффани оставалось только пожалеть его.

– Приветствую вас, сёстры, и да оберегут руны сию знаменательную встречу! – провозгласила госпожа Увёртка достаточно громко, чтобы её услышали оставшиеся деревенские.

Она любила во всеуслышание объявлять о своём ведьмовском ремесле. Тиффани она адресовала долгий взгляд, чем вывела из себя нянюшку.

Нянюшка поклонилась госпоже Увёртке настолько символически, насколько это вообще возможно, после чего повернулась к Тиффани и воскликнула:

– Эй, Тифф, смотри, это Агнесса Нитт! Здорово, Агнесса!

Агнесса, талия которой явственно выдавала тот же подход к питанию, что и у кельды Нак-мак-Фиглей, выпалила, задыхаясь:

– Мы ездили с гастролями с «Много шума из всего» Шестпила и как раз были в Щеботане, когда я узнала! Я спешила, как могла.

Тиффани никогда прежде не встречалась с Агнессой, но ей хватило одного взгляда на её задумчивое лицо и добрую улыбку, чтобы понять: они поладят. Тут на поляну неловко опустилось очередное помело, послышалось знакомое «эмм...», и сердце Тиффани встрепенулось от радости.

– Эмм, Тиффани, я услышала, что ты здесь. Хочешь, помогу делать бутерброды? – предложила Петулия, помахивая здоровенным окороком.

Петулия была замужем за владельцем большой свинофермы и славилась как лучшая ускучивательница свиней²³ во всех горах. А ещё она была лучшей подругой Тиффани.

– Поплина тоже здесь, и, эмм, Люси Уорбек, – добавила Петулия.

Она всегда начинала «эммкать» в обществе других ведьм. А вот ускучивая свиней, она не «эммкала» вовсе, и это многое говорит о Петулии и свиньях.

Тиффани и внуки нянюшки Ягг уже расставили на поляне несколько самодельных столиков. В конце концов, все ведь знают, зачем на самом деле нужны поминки, а большинство людей просто любит поесть и выпить, был бы повод. Играла музыка, но её едва ли не заглушал божественный голос Агнессы. Она пела «Плач Коломбины», и чарующая мелодия плыла над крышей домика и среди деревьев.

– Этот голос и из деревьев слезу выжмет, – шепнула нянюшка.

А потом были танцы, которым, без сомнения, сильно поспособствовали напитки от нянюшки Ягг. Нянюшка могла заставить любую компанию пуститься в пляс и запеть. Тиффани считала, что это особый дар. Нянюшка Ягг и кладбище бы в пляске закружила, если б захотела.

– Нечего тут строить кислые мины по Эсме Ветровоск, – объявила она. – Матушка умерла в своей постели, тихо и спокойно, всем на зависть. Ведьмы знают, что каждому отведён свой срок, и если срок этот был долгим, да к тому же ведьма успела изменить мир к лучшему, чем не

²³ Ускучивание свиней помогает обойтись без лишнего визга. Специалист вроде Петулии может заговаривать зубы свинье до тех пор, пока та просто не умрёт со скуки.

повод порадоваться. Всё остальное – просто небольшая уборка. А теперь давайте-ка спляшем! Танцы заставляют мир вертеться. А если сперва принять капельку моего домашнего ликёра, то он завертится ещё быстрее.

Нак-мак-Фигли, устроившиеся на ветвях деревца, которое росло прямо на крыше домика, – Явор Заядло, Туп Вулли, Громазд Йан и гоннагл Ой-как-мал Билли Мордаст – были полностью с ней согласны, однако оставили танцы на потом. Они старались не попадаться на глаза, так что лишь одна-две самые наблюдательные ведьмы заметили маленьких синих человечков. Но теперь пиксты спустились в кладовку, где Тиффани уже приступила к тому, что, по мнению старших ведьм, полагается делать младшим: к уборке. Снаружи старшие ведьмы начали потихоньку сбиваться в группки, чтобы обсудить, кому должен отойти удел матушки Ветровоск, и Тиффани воспользовалась предлогом улизнуть. За работой у неё будет время подумать и решить, что сказать.

Тут в кладовке раздались пронзительно-высокие звуки визжали – Ой-как-мал Билли Мордаст негромко заиграл плач по Всекарге. Остальные Фигли отправились на вылазку по столам в поисках объедков, которые проглядели ведьмы.

– Беднявая матушка, я х’рошо её знавал, – заявил Громазд Йан, отхлёбывая из бутылки крепкое пойло нянюшкиного изготовления.

– Ничего ты её не знал, – резко сказала в ответ Тиффани. – Одна лишь матушка Ветровоск по-настоящему знала матушку Ветровоск.

Она была на взводе – день и так выдался нелёгким, да и совещание снаружи не прибавляло спокойствия.

– Ха-ха! – засмеялся Туп Вулли. – Слышь, Явор, в этот рядь влип-то не я. Я-то грил, что карга в горестях и в нервях, агась?

– Я те щаз сам залеплю по рылу, ежели не затыкнешься! – прорычал Громазд Йан.

Еды и выпивки Фиглям уже досталось, с танцами они решили подождать, но, может, самое время устроить небольшую потасовку? Громазд Йан сжал кулаки, однако тут в кладовку вошли подруги Тиффани, и пикстам пришлось спешно прятаться.

– Думаю, они выберут тебя, Тифф, – сказала Поплина, ткнув Тиффани пальцем в спину. – Нянюшка Ягг только что во всеуслышание заявила, что дом должен перейти тебе, и спросила, куда ты пропала. Так что ты лучше иди.

– Давай, Тиффани, – поддержала её Петулия. – Все ведь знают, *что* думала о тебе, эмм, матушка Ветровоск.

Подталкивая и волоча за руку, подруги вытащили Тиффани из кладовки, но у задней двери она приостановилась. Ей не хотелось делать последний шаг. Не хотелось заявлять свои права. Для неё дом по-прежнему оставался матушкиным домом. Хотя острый недостаток матушки уже чувствовался в нём, словно огромная дыра расплзалась в воздухе. Тиффани опустила глаза: Эй вилась под ногами, выгибая спину, и тёрлась маленькой мордочкой о её башмак.

Снаружи возле дома некоторые ведьмы внимательно слушали нянюшку Ягг, которая как раз говорила:

– Так вот, Эсме ясно сказала нам, кто продолжит её дело. – Она повернулась и поманила Тиффани ближе. – Жаль, я не застала, – продолжала она, – как нянюшка Грапс посвятила Эсме Ветровоск в ведьмы. Мы привыкли думать, что ведьма должна быть похожей на ту, что привела её в ремесло. Но каждой из нас приходится искать свой путь. Матушка Ветровоск всегда была настоящей ведьмой на собственный лад, а вовсе не повторяла нянюшку Грапс. И ещё вот какая штука. Каждая из нас, думаю, способна говорить сама за себя. Но всякие там аркканцлеры, патриции и даже гномьи Королевы-под-Горой любят, чтобы была какая-то одна ведьма, которая может говорить вроде как официально за всех ведьм, сколько их есть. И я готова поспорить, что такой ведьмой они считали Эсме. Так что и нам не помешало бы её послушать. А

она самолично сказала мне, которая из нас должна занять её место. И даже написала на вот этой самой картонке! – Нянюшка помахала в воздухе запиской, которую матушка Ветровоск оставила на сундуке у кровати.

Очевидно, кто-то из ведьм выдвинул предложение, чтобы удел отошёл госпоже Увёртке – или, точнее, госпожа Увёртка выдвинула свою ученицу в качестве наследницы дома. Нянюшка сердито посмотрела на неё и вдруг резко перестала быть той ведьмой-хохотушкой, какой её знали многие.

– Летиция Увёртка – та просто делает блестящие штучки-дрючки для своих ведьмочек! – веско сказала она.

Госпожа Увёртка надменно фыркнула, но нянюшка будто и не слышала.

– Другое дело – Тиффани Болен. Да, сёстры, Тиффани Болен. Мы все видели, на что она способна. Это вам не блестящие талисманчики, это вам не книжки! Она умеет быть ведьмой до мозга костей и делать своё дело в темноте, где только плач и стоны! Она умеет *быть* настоящим. Эсме Ветровоск понимала в этом, каждой своей косточкой понимала. И Тиффани Болен понимает, так что удел – её!

Тиффани ахнула – все ведьмы повернулись к ней, по рядам побежал шепоток. Она нерешительно шагнула вперёд.

И тут раздалось отчётливое «Мяу!», и шепотки как отрезало. Эй вышла вперёд вместе с Тиффани. Воздух вдруг наполнился жужжанием – это явились пчёлы. Они вылетели из матушкиных ульев и окружили Тиффани ореолом, собрались над её головой жужжащей короной. Тиффани встала на пороге и протянула руки. И пчёлы опустились на них, приглашая её в дом.

И вот, в тот день – страшный день, когда прощались с лучшей ведьмой, какую знал мир, – споры наконец остались позади. И в глазах всего мира Тиффани стала ведьмой, к которой надо прислушиваться, за которой надо идти.

Глава 5. Новые времена

Королева эльфов восседала на алмазном троне в своём дворце, окружённая придворными, найдёнышами, потерявшимися детьми²⁴ и безмянными пресмыкающимися созданиями – словом, всяким сказочным народцем.

Сегодня она решила сверкать. Солнечные лучи, которые в этом мире никогда не гасли, падали сквозь резные каменные окна в точности под нужным углом, чтобы крохотные драго-

²⁴ ...*потерявшимися детьми*. Ещё одна отсылка на относительно безобидную сказочную реалию Круглого мира, что в мире Пратчетта обретает жутковатый характер. Потерянные мальчики – персонажи знаменитой пьесы Дж. М. Барри «Питер Пэн, или Мальчик, который не хотел расти», впоследствии переработанной в повесть-сказку «Питер и Венди» (1911). Это – «мальчики, которые выпали из колясок, когда няньки смотрели в другую сторону. Если никто не потребует их обратно через неделю, их отсылают на остров Нигдешний, чтобы не было лишних расходов» (пер. Н. Демуровой). Питер Пэн – мальчик, который сознательно отказался взрослеть, – их капитан. Девочек среди них нет: как говорит сам Питер, «девочки умные, они из колясок не падают». Потерянные мальчики обречены навсегда оставаться детьми на волшебном острове и вечно играть в детские игры. Сходная участь, по-видимому, грозит детям Плоского мира, так или иначе оказавшимся в волшебной стране эльфов, как можно судить по примеру Винни и Роланда из первой книги цикла о Тиффани. Винни – один из таких «потерянных мальчиков». «Он бродил один, несчастный и потерянный. Я привела его домой и утешила», – рассказывает Королева. Но вечное детство в мире Пратчетта – участь незавидная. Мальчику «надобна любовь, и забота, и чтобы учили уму-разуму, и чтобы порой говорили “нет”, и всё в таком духе. Ему нужно, чтоб его взрастили сильным. Но Королева ему всего этого не даст. Она даст ему сласти. Одни только сласти. Вечность сластей», – объясняет кельда. Тиффани удалось спасти брата, но, по-видимому, не у всех «потерянных мальчиков» нашлась храбрая и сильная сестра, и многие остались в волшебном королевстве.

ценные камни в королевских крыльях сияли, рассыпая по тронному залу маленькие радуги при каждом её движении. Свита в зале, разодетая в кружева, бархат и перья, выглядела почти столь же великолепно, как сама Королева, – почти, но не совсем.

Взгляд Королевы скользил по залу, украдкой отмечая всё, что делают придворные. О чём это там шепчется лорд Ланкин²⁵ с лордом Горчичное Зёрнышко? А где же лорд Душистый Горошек? Однажды, мрачно подумала Королева, она насадит его голову на шест. Она несколько ему не доверяла, и вдобавок его чары в последнее время сделались очень сильными, почти такими же неодолимыми, как её собственные. Нет, с горечью поправила она себя, почти такими же неодолимыми, какими её собственные чары были прежде.

Прежде чем та маленькая ведьма, Тиффани Болен, явилась в Волшебную страну и унизила её, Королеву эльфов.

В последнее время Королева чувствовала, что между её миром и миром Тиффани Болен что-то происходит. Границы сделались словно бы менее чёткими, более проницаемыми. Несколько сильных эльфов даже умудрились пересекать их время от времени, чтобы немного поразвлечься насилием и грабежами. Возможно, скоро наступит день, когда Королева сможет отправиться в тот мир во главе своего войска. Пограбить, подыскать нового ребёнка себе на забаву... и отомстить этой ведьме Болен. Королева улыбнулась, смакуя предвкушение. Будет весело.

Но сейчас у неё были другие дела, и дела эти вызывали беспокойство. Гоблины! Жалкие черви, которым следовало бы радоваться, если эльф хотя бы взглянет в их сторону, теперь отказывались выполнять приказы Королевы. Глупцы! Она им ещё покажет! Ланкин, Горчичное Зёрнышко, Душистый Горошек – все они скоро убедятся, что Королева вернула себе былую силу. Она обрушит на это гоблинское отребье всю мощь своего гнева!

Но где же всё-таки Душистый Горошек?

Пленного гоблина приволокли в тронный зал. «Да уж, от их блеска и впрямь голова может кругом пойти», – мрачно подумал он. Дамы и господа были точь-в-точь такие же прекрасные, какими эльфов рисуют в человечьих детских книжках. И только присмотревшись к этим чудесным созданиям внимательнее, замечаешь, что с их глазами и выражением лиц что-то не так.

Королева молча разглядывала пленника, положив точёный подбородок на изящно изогнутую тонкую руку. Она недовольно нахмурилась, и на её белоснежном челе между бровей темнела морщинка.

– Ты ведь гоблин, который зовёт себя От-Росы-Блик, верно? Ты и твоё племя долгое время пользовались покровительством моего двора. Но до меня дошли вести, что вы подняли мятеж. Отказываетесь подчиняться моим приказам. И прежде чем я передам тебя моим стражам на... забаву, расскажи мне, что происходит.

Она вложила в каждое слово немало волшебной силы, но гоблин и ухом не повёл. Он должен был уже валяться перед ней на коленях под властью королевских чар и молить о прощении, но он стоял себе как ни в чём не бывало и ухмылялся ей. Ухмылялся самой Королеве!

²⁵ *Лорд Ланкин* – этот эльфийский лорд, могуществом уступающий только Королеве, жестокий, завистливый и злобный, обязан своим именем не Уильяму Шекспиру, но одной из самых страшных народных английских баллад. В Круглом мире эта баллада существует вот уже семь веков во множестве вариантов: они встречаются и в Англии, и в Шотландии, и в Америке, и представлены в сборнике Ф. Д. Чайлда со всеми разночтениями. В балладе рассказывается о том, как владелец замка, покидая дом, предостерегает супругу против некоего лорда Ланкина (в других вариантах его зовут Ламкин, Ламбкин, Лимкин, лорд Лонкин и т. д.). Но после отъезда хозяина зловещий гость прокрадывается в замок и убивает леди и её младенца-сына. В некоторых версиях это – каменщик, которому не заплатили за работу, или немотивированный злодей, но в ряде вариантов он приобретает сверхъестественные черты и становится чем-то вроде злого духа, призрака, фейри, живущего в глуши. // Лорд велел супруге, уходя в поход: «Бойся лорда Ланкина, что среди мхов живёт», Лорд сказал супруге, оседлав коня: «Бойся лорда Ланкина, он рыщет у плетня». // Баллада о лорде Ланкине замечательно звучит в исполнении британской фолк-группы Steeleye Span (альбом *Commoners' Crown*). А эльфийский лорд, персонаж Пратчетта, превосходно вписывается в эту зловещую историю.

– Слышь, Королевка, дело такое. Гоблины теперь полноправные граждане в человеческом мире. Люди говорят, гоблины приносят пользу. Гоблинам нравится пользу приносить. Нам платят за пользу, за то, что мы находим, и за вещи, которые делаем.

Прекрасное лицо Королевы мигом утратило всю красоту, и она зло уставилась на дерзкого нахала:

– Невозможно! Вы, гоблины, – грязные отбросы, все это знают!

– Ах-ха-ха! – рассмеялся гоблин. – Думаешь, ты самая умная, а, Королевка? Гоблины словили удачу за хвост! Гоблины умеют править железными конями!

При упоминании железа эльфийский двор содрогнулся, волшебное сияние померкло. Серебристая тафта королевского платья превратилась в алый, как кровь, бархат, а её белокурые локоны распрямились и почернели до цвета воронова крыла. Придворные тут же последовали её примеру: шелка и кружева нежных тонов сменились кожаными бриджами, алыми кушаками и звериными шкурами, небрежно наброшенными на татуированные плечи. Эльфы обнажили свои каменные клинки и острые зубы.

Маленький гоблин не дрогнул.

– Я не верю тебе, – сказала Королева. – В конце концов, ты ведь гоблин.

– Просто гоблин, ага, ваша королевность, – тихо сказал пленник. – Просто гоблин, который понимает в железе и стали. Сталь крутится-вертится, чух-чух-чух, и везёт людей далеко-далеко. И я гражданин Анк-Морпорка, а ты знаешь, что это значит, госпожа. Тамошний Тёмный хозяин очень не любит, когда его граждан убивают.

– Ты лжёшь! – крикнула Королева. – Лорду Витинари нет никакого дела до тебя. Все вы, гоблины, лжецы, От-Росы-Блик!

– Это больше не моё имя. Теперь меня зовут От Фрезы Шлам, – с гордостью заявил гоблин.

– Шлам, – повторила Королева. – Что это?

– Крохотульные частички железа, вот что это, Королевка. От Фрезы Шлам не лжец. Поговори ещё так со мной, твоя величавость, и я выверну карманы. Вот тогда и увидишь, что такое шлам!

Королева отпрянула, не в силах отвести взгляд от рук гоблина, которые тот держал возле карманов своей тёмно-синей куртки, застёгнутой на тощей груди на деревянные пуговицы-палочки.

– Ты смеешь угрожать мне, червяк? – возмутилась она. – Угрожать мне в моём собственном королевстве? Здесь, где я могу одним только словом сдать сердце в твоей груди? Или сделать так, что ты упадёшь, где стоишь? – Она показала на стражей, которые держали пленника под прицелом арбалетов.

– Я тебе не червяк, Королевка. У меня есть шлам. Мелкая железная пыль, ею можно весь воздух заполнить. Но я здесь, чтобы сообщить тебе новость. Предостережение. От Фрезы Шлам тоскует по старым временам. Я хочу увидеть, как люди корчатся. Хочу, чтобы вы устроили там хорошую встряску, вот что. Кой-кто из гоблинов со мной согласен, но теперь нас мало таких. Многие гоблины уже и не гоблины вовсе. Почти что люди. Мне оно не по нутру, но они говорят, идут новые времена. Хорошая штука деньги, слышь, Королевка?

– Деньги? – переспросила Королева. – Но я даю вам золото, ты, чер...

Она осеклась, потому что рука гоблина нырнула в карман. Неужели он и правда умудрился принести в её мир железо? Для сказочного народа нет ничего ужаснее железа. Оно ослепляет, оглушает и заставляет эльфов чувствовать себя куда более одинокими, чем человек способен вообразить.

Королева стиснула зубы и выговорила:

– ...черезвычайно достойный гоблин.

– Золото, которое тает с первыми лучами солнца, – усмехнулся пленник. – У них... у нас теперь водятся настоящие деньжата. Я хочу только, чтоб гоблины оставались гоблинами. И чтоб их уважали. А не пинали ваши и прочие всякие! – Он с ненавистью глянул на Душистого Горошка, который вдруг появился возле трона.

– Я не верю тебе, – повторила Королева.

– Твоё дело, Королевка, – сказал гоблин. – Не хочешь – не верь. Валяй, иди сквозь врата. Теперь, когда старой ведьмы больше нет, вы пройдёте без труда. Глянь сама, как оно. Мир изменился, Коро-левка.

И Королева подумала: «Да, он и правда изменился». Она чувствовала поступь чего-то важного, но не могла разобрать, что же грядёт. Значит, ведьма умерла. Теперь, когда старая карга им больше не помеха, эльфы могут вновь вторгнуться в этот мир во славе и великолепии. Но тут блеск в глазах Королевы потух. Если бы только не этот шлам. Если бы не железо.

– Свяжите этому ничтожеству руки за спиной, – велела она страже, указав на гоблина. – Я хочу посмотреть, правду ли он говорит. – Королева улыбнулась. – Мы возьмём его с собой. И если окажется, что он солгал, вырвем ему язык.

На следующее утро Тиффани проснулась рано. Она была одна в матушкином – нет, теперь уже её собственном доме – и чувствовала, что её мир изменился. Эй следила за ней, как коршун.

Тиффани вздохнула. День обещал быть хлопотным. Ей доводилось бывать во многих домах, куда заходил Смерть, и всегда хозяйка – если, конечно, в доме была хозяйка – натирала до блеска всё, что могло блестеть, и вычищала всё, что можно вычистить. Поэтому Тиффани Болен вооружилась тряпками и вычистила всё, что и так было предельно чистым. Это было словно безмолвное заклинание: пришла беда, но зато хотя бы каминная решётка сияет чистой и можно разводить огонь.

Эй тем временем сидела неподвижно, как статуэтка, но взгляд её следовал за Тиффани. «Интересно, кошки знают, что такое смерть? – думала Тиффани. – А если кошка всю жизнь прожила в доме ведьмы? Да ещё и не просто ведьмы, а самой матушки Ветровоск?»

Тиффани отложила эти вопросы на потом и приступила к уборке кухни. Она тёрла и полировала всё, что можно было отполировать, до блеска. И оно блестело.

В доме и так царил идеальная чистота, но непреложные законы оплакивания требовали приложить силы, чтобы выскрести смерть из дома. И не важно, чистое оно или грязное, отдраить надо всё.

Она навела на кухне и в кладовке такую чистоту, что глазам смотреть стало больно, и тогда Тиффани ничего не оставалось, кроме как подняться наверх.

Запасшись ведром с водой, щёткой, тряпками и рваньём – то есть рвением, конечно, – Тиффани встала на колени и принялась мыть. Она мыла и мыла, пока руки у неё не покраснели. Зато осталась довольна.

Но и это было ещё не всё. У матушки имелся маленький шкаф для одежды, где висело несколько поношенных, но ещё годных платьев, а также плащ. Всё, разумеется, чёрное. На полке лежал завернутый в бумагу плащ «Дыхание ночи» из лавки Закзака Рукисилы, который Тиффани сама подарила матушке. Похоже, матушка его так ни разу и не надела, но хранила бережно, как драгоценность. У Тиффани защипало в глазах...

Возле кровати стояли матушкины башмаки. Это были добротные крепкие башмаки, они бы могли ещё послужить кому-то... И матушка не любила, когда что-то полезное пропадало зря. Но Тиффани и помыслить не могла носить её башмаки. Ей и без них-то наверняка вскоре придётся узнать, как непросто идти по стопам матушки. Она глотнула. И решила, что найдёт башмакам новую хозяйку. А пока аккуратно задвинула их под кровать, с глаз долой.

Ещё оставался огород и грядки с травами. Тиффани отыскала в кладовке пару толстых перчаток – не стоит соваться к матушкиным травам с голыми руками, если вы с ними не зна-

комы. Матушка доставала, выменивала и получала в подарок растения со всего мира. У неё в саду росли и винтошпинат, и шелковица, и Джинни Бигудь, и завихрён, и хохотук, и перекрот, и отравалериана, и ромашка-неваляшка, и львиный зад. Здесь был кустик клюкалки по соседству с Джеком-из-сеней и очень деятельная девичья отложка. Тиффани понятия не имела, как действуют эти травы. Надо будет спросить нянюшку Ягг. Или Маграт Чесногк, которая, как и её муж, король Веренс, пылко верила в силу трав²⁶

²⁶ Маграт и Веренс искренне считали, что если средство содержит травы, значит, оно действует благотворно. В случае с некоторыми травами из сада матушки Ветровоск полагать так было бы большой ошибкой. По крайней мере, первоначальный эффект мог оказаться не слишком приятным. И пациенту лучше бы не отходить далеко от уборной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.